

18+

2 НАВЕРХУ
ВИКТОР УЛИН
ее судьба

Виктор Улин
2 наверху. Ее судьба

«Издательские решения»

Улин В.

2 наверху. Ее судьба / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606142-2

Этот роман не может быть назван эпопеей, поскольку действие занимает всего полгода. Но в книге автор сконцентрировал свой 20-летний опыт преподавания в ВУЗе. Главный герой — кандидат физико-математических наук Дмитрий Викентьевич Панин — собирателен, но абсолютно достоверен со всеми конфликтами и перипетиями жизни, поскольку отражает многие реальные проблемы. Временной отрезок его судьбы описывает поворотный период, толчком к которому послужил случайный эпизод. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-606142-2

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	11
3	14
Глава вторая	20
1	20
2	26
3	31
Глава третья	34
1	34
2	40
3	44
Глава четвертая	45
1	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

2 наверху Ее судьба

Виктор Улин

Всем моим бывшим коллегам-математикам

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-6142-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Дворянин Хитрово был трезв и осторожно ходил за своим гордоном, с ружьем наперевес, по мокрым овсам возле кладбищенской рощи, выпугивая перепелов и наугад стреляя в сумрачный воздух, в мелкий дождь. Вечным сном спали в кладбищенской роще Александра Васильевна и Селихов – рядом были бугры их могил. А Яша работал в своей часовне над склепом купца Ершова. Отпустив посетителей, весь день плакавших перед ним и целовавших его руки, он зажег восковой огарок и осветил свой засаленный халатик, свою ермолку и заросшее седой щетинкой личико с колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Он работал пристально: стоял возле стены, плевал на нее и затирал плевки сливами, дарами своих поклонниц.»

(Иван Бунин. «Чаша жизни»)

Глава первая

1

– Митя, ты уверен? – спросила Галина Сергеевна, стоя около двери.

Изнутри там был приклеен календарь 2008-го года с красной мышью, похожей на сову. Двадцать первый век, начавшись кое-как, шел чем дальше, тем быстрее.

Его уже никто не называл «*миллениумом*», только ругали за обесчеловечивание.

– Уверен, Галя, уверен, – ответил Панин, вешая пиджак на спинку ее кресла, стоящего перед компьютерным столом.

– Тебя не начнут вызванивать?

– Не должны. Экзамен начался недавно, только-только всех запустили и рассадили.

Но даже если и начнут – это делу не помешает.

– Митя, Митя, – вздохнула женщина. – Сколько тебе лет?

– Вроде тридцать три, – он ослабил узел галстука. – А что?

– То, что мне сорок пять. И не понимаю, что ты во мне нашел.

Галина Сергеевна повернула ключ, замок щелкнул.

Панин улыбнулся.

Что нашел в лаборантке кафедры математического анализа, он и сам не знал.

Кафедра являлась формообразующей на математическом факультете университета, где Дима Панин учился сначала как студент, потом как аспирант, а сейчас стал «*исполняющим обязанности доцента*» Дмитрием Викентьевичем.

Галина Сергеевна работала тут с незапамятных времен.

Еще абитуриентом Панин уточнял у нее, можно ли сдать не оригинал, а копию аттестата: он параллельно поступал в МГУ, но не прошел по конкурсу.

Специализируясь с третьего курса по кафедре матанализа, он общался в основном с лаборанткой, поскольку научный руководитель – завкафедрой профессор Константин Петрович Зотов – время от времени уходил в запой и становился бесконтактен.

Да и вообще, Галина Сергеевна, когда-то окончившая заочное отделение матфака, знала все и умела применить знания.

Какой она была в ранние годы, Панин не помнил; тогда вектор его интересов был направлен в иную сторону.

Принятый после аспирантуры ассистентом, он стал общаться с Галиной Сергеевной на новом уровне.

Когда Панин утвердился в степени кандидата физико-математических наук, «*ГС*» сделалась «*Галей*», хоть и осталась на «*вы*».

Метаморфоза была рождена не стремлением к панибратству.

Он подсознательно ощущал, что стареющая женщина стремится остаться молодой и отчество ей мешает.

Галей на «*ты*» Галина Сергеевна стала полтора года назад.

Шла предновогодняя вечеринка в самой большой аудитории, все напились до положения риз и завкафедрой математического моделирования профессор Семен Израилевич Спивак, сдвинув в сторону бутылки, плясал фрейлехс на праздничном столе.

А потом совершенно непонятным образом Панин и лаборантка оказались на кафедре, заблокированной изнутри горизонтально повернутым ключом.

То, что произошло дальше, выходило из ряда вон.

Со стороны женщины, конечно, все оставалось объяснимым. Панин был молод, высок, подтянут, имел правильные черты лица и умел себя вести.

Но зачем это понадобилось ему?

Галина Сергеевна была невысокой и полноватой, ее вялую грудь покрывала россыпь некрасивых родинок.

Но связь с нею являла оптимальный вариант для данного периода жизни.

В юности, Панин погулял в свое удовольствие, но к тридцати годам и поуспокоился и поуменел.

Молодой приличный мужчина – к тому же обладающий двухкомнатной квартирой – представлял лакомый кусок.

Ради обладания таким женщины могли пойти на что угодно, вплоть до намеренной беременности. И потому связываться с кем попало он опасался.

А лаборантка была семейной, имела почти взрослого сына и совсем взрослую дочь, материальные притязания с ее стороны оставались нулевыми.

Начав по нетрезвому делу, они незаметно привязались друг к другу.

С определенного момента Панину стало казаться, что Галина Сергеевна нуждается в нем не меньше, чем он в ней.

Возможно, тому имелись причины иного характера.

Супруг любовницы был угрюмым тираном, изводил ее ревностью на пустом месте.

Когда, насытив тела, они соединили души, лаборантка призналась, что эпизод на факультетской попойке оказался первым после двадцати трех лет семейной жизни, за который ее следовало упрекнуть.

Вероятно, отдаваясь Панину, она неосознанно мстила мужу.

Слегка портил уют отношений тот факт, что свидания происходили только на кафедре.

Им никогда не удавалось полностью расслабиться, раздеться, ощутить истинное умиротворение от слияния тел.

Усеченность секса была обусловлена внешними причинами.

Галина Сергеевна не имела пространства для личной жизни, ревнивец контролировал каждый ее шаг, следил за каждым пятью минутами ее дня, периодически названивал ей на работу – не на мобильный, а на кафедральный телефон – время от времени приезжал без предупреждения.

Один раз, в самом начале отношений, лаборантка отважилась приехать к Панину днем, когда у того не было занятий. Для этого ей пришлось выстроить цепь обманных посылов, чтобы оправдаться в случае обнаружения на работе.

Соединиться на большой кровати было в тысячу раз удобнее, чем на убогом металлическом стуле.

Но Галина Сергеевна переживала, что муж нагрянет на факультет с проверкой или начнет звонить в самый неподходящий момент, а если она ответит не сразу, ей сулят разборки.

В итоге ничего приятного из встречи не вышло.

Взвинченный ее паникой, Панин мало что ощутил.

У лаборантки не получилось вообще ничего, хотя все нужное она умела испытывать за пять минут.

Заключительная стадия прошла столь смазанно, что лучше бы они и не встречались.

В отличие от большинства мужчин, Панин обожал последствие, когда можно объять женщину тихой ненавязчивой нежностью. Особенно он любил принять душ вдвоем – этот последний штрих наполнял его блаженством.

Но дорога до университета занимала целый час, возвращаться на такси Галина Сергеевна отказалась, хотя он пытался дать ей денег, и в душ не пошла – убежала, спрыгнув с кровати и кое-как одевшись.

Больше они опытов не повторяли, интимный круг ограничили кафедрой и кабинетом заведующего, где имелось мягкое кресло.

Суровый пуританин девятнадцатого века или моралист двадцатого скончались бы на месте, узнав, что преподаватель и лаборантка занимаются внебрачным сексом в храме науки.

Но сейчас шел век двадцать первый.

Разумные люди поняли, что жизнь слишком коротка для вписания в рамки Тимура и его команды.

И потому Панин с Галиной Сергеевной жили, как хотели – и как могли.

В разгар приемной кампании все было еще проще, чем во время семестра.

Их кафедра в этом году – согласно факультетскому распорядку, от главной лестницы по коридору до конца и снова до лестницы – была ответственной по приемным экзаменам.

Заведующий числился председателем университетской предметной комиссии по математике, лаборантке предстояло все лето провести над бумагами и таблицами.

Глухое уединение на кафедре не могло вызвать вопросов.

Преподаватели соглашались провести пол-года в «*приемке*» лишь из материальных соображений, выходящих за рамки зарплаты. Галина Сергеевна «*подгоняла*» клиентов и на репетиторство и на иные заработки, а подобные дела решались при закрытых дверях.

Поэтому сегодня – в день устного экзамена на специальности «*менеджмент*» экономического факультета – все шло по плану.

Кто-то подергал снаружи дверь, постучал осторожно, подергал еще.

Панин не обратил внимания.

Заблокированный замок открыть было невозможно.

Но насмерть затурканная Галина Сергеевна заопасалась, заговорила привычные слова:

– Хватит, Митя, нам с тобой развлекаться. Переключись на кого-нибудь другого.

– И на кого же? – поинтересовался Панин, отодвинув стул от стены, чтобы ей хватило места для ног.

– Да вон хоть на Веру Сергеевну.

Вера не была сестрой Галины.

На математическом факультете университета странным образом сгущались люди с одинаковыми отчествами, не имеющие отношения друг к другу.

В его ранние студенческие годы на кафедре высшей алгебры и геометрии имелись целых четыре Васильевны: Анастасия, Мария, Аэлита и какая-то странная Генорусса. Они ушли на пенсию, сейчас из «*названных сестер*» остались только две Сергеевны.

Вера Сергеевна Воропай работала на кафедре вычислительной математики, училась семью годами позже Панина, собиралась защищать кандидатскую диссертацию – без аспирантуры, по чистому соискательству.

Достаточно высокая ростом, эта девица имела восхитительную большую грудь и ноги с икрами приятной формы. Но характер Веры Сергеевны был столь несносным, что коллеги присвоили ей кличку «*Гагатька*».

В смысл слова никто не вдумывался, оно вписывалось в образ Веры Сергеевны.

Мало кто знал, что двухлетняя дочка доцента Щербинина так называла крокодила.

Однако Панин с Гагатькой почти дружил – по крайней мере, они общались нормально.

– Или вот, – продолжила лаборантка. – Если не хочешь Веру...

– Не или и не вот, – перебил Панин. – Хочу только тебя, Галя, и ты прекрасно это знаешь.

– Вижу уж, – со вздохом сказала она.

Завернув черную юбку, Галина Сергеевна принялась освобождаться от колготок.

– Развратник ты, Митька, и меня такой сделал.

Подол падал и мешал, лаборантка спешила, но опасалась порвать тонкий эластик, смотреть на процесс было тревожно.

– Слушай, Галь... – заговорил он. – Почему ты не носишь чулки? С ними удобнее: ничего не надо снимать, кроме трусиков. Да и их можно только сдвинуть.

– Сама знаю, что удобнее...

Галина Сергеевна выдернула ступню из черной лакированной туфли, стянула половину колготок.

Голая нога выглядела бледной и рыхловатой. Любовница вошла в возраст необратимости.

– ...И не так жарко летом...

Лаборантка освободилась от колготок, бросила их на стул.

– ...Но ты же знаешь, Митя, до какой степени меня контролирует муж. И какой он у меня упертый. По его мнению, чулки носят только проститутки...

Ногти Галины Сергеевны были ухожены и накрашены, но на запястье краснел медный браслет «от гипертонии», каких не носили молодые женщины.

– ...И можешь себе представить...

Желтоватые колени одно за другим блеснули из-под юбки.

Белые трусики полетели вслед за колготками.

Имея другую массу, они упали не на стул, а на кафедральный стол около тумбочки с телефоном – на стекло, под которым лежало расписание преподавателей, уже месяц как неактуальное.

– ...Что скажет Толя, если обнаружит, что я ушла на работу в чулках!

Повернувшись к Панину, лаборантка обдала его запахом женщины; все шло не напрасно.

– Иди сюда, – позвал он. – Давай скорее, сил нет уже терпеть...

– Подожди, полотенце забыла.

Ступая на цыпочках по вытертому кафедральному паркету, она прошла к платяному шкафу, вытащила белую вафельную тряпку из разряда тех, на которых носят гробы.

Пол тут был таким, что любая капля впитывалась и оставляла несмываемый след.

*«...Девочка Надя, чего тебе надо?
Ничего не надо, кроме шоколада...»*

Мобильный телефон, оставшийся на столе под трусиками, запел весело и стал подскакивать в такт мелодии, которую Панин поставил на звонок.

Галина Сергеевна замерла, точно оживший аппарат чем-то угрожал.

– Пошли все к черту... – сказал он.

– Держи, – сказала лаборантка и протянула ему телефон.

– Димитрий Викентьевич, ты где застрял? – сходу заговорил Зотов. – Давай подходи, в пятьсот двадцать шестой начинают отвечать, Аркадий Валентиныч недоволенны-с.

– Иду. Сейчас иду, Константин Петрович, – покорно ответил Панин.

По голосу он понял, что профессор, как всегда, полупьян и сидит дома.

Аркадий Валентинович Ильин, с которым Панину было назначено работать в паре, был самым вредным человеком на факультете.

Вероятно, он только что позвонил завкафедрой и пожаловался на подчиненного – такой поступок входил в число его привычек.

– Иду, Константин Петрович, даже бегу.

Галина Сергеевна стояла, как соляной столб.

– Все, Галя, все, – он махнул рукой. – Полотенце не потребуется и можешь одеваться.

– Не успеем? – спросила она. – Я уже почти...

Несомненно, зрелая женщина получала от контакта с мужчиной больше, чем он сам.

– Нет, Галя, – вздохнул Панин. – Я уже совсем. Все обломал старый мудака.

– Ну ладно, – сказала лаборантка и повернулась к столу за трусами.

– Давай после экзамена? – предложил он.

Лаборантка села на стул и принялась натягивать колготки.

– Не получится, – ответила она. – После экзамена мероприятие. День рождения у Леонид Леонидовича.

– Пьянка в такую жару?

– Чисто символически, но из техперсонала больше никого нет, придется заниматься мне.

Кстати, собирали по триста рублей. Будешь сдавать?

– Конечно. Леонидыч – это Леонидыч. Не помню только, найдется ли у меня столько наличными. Ты не знаешь, в банкомате у главного входа сегодня есть деньги?

– С утра вроде были и вряд ли кончились, сейчас тут почти никого нет.

– Это радует, если не придется никуда не ходить в такую жару, – сказал Панин, глядя, как лаборантка надевает туфли.

– А вообще, Митя, я серьезно. Зачем тебе все это?

– Что – «это»? – уточнил он, прекрасно зная продолжение.

– Связь со старой бабой...

– Ты не баба, а женщина!

– ...И секс на стуле, который скоро сломается. Тебе пора жениться, Митя. Ты приближаешься к возрасту старого холостяка. Вот-вот и будет уже поздно. К тому же связь с женщиной, которая старше на двенадцать лет, имеет плохую энергетику. Она тянет тебя назад. Чтобы делать карьеру, ты должен жениться на молодой.

– Еще скажи – на студентке, – Панин усмехнулся. – Или на абитуриентке?

– Да хоть на студентке. Только выбрать самому, а не ждать, пока окрутит какая-нибудь деревенская оторва.

– Нет, Галя, я...

Телефон снова запрыгал под «*Девочку Надю*».

Времени на судьбоносные разговоры не осталось.

2

– Явились, Дмитрий Викентьевич? – Ильин поднял голову от стола, заваленного грудой изъятых мобильных телефонов. – Я уж думал, вы про экзамен забыли.

– Забыл, – с улыбкой ответил Панин. – Да вот Константин Петрович напомнил.

Доцент кафедры дифференциальных уравнений Аркадий Валентинович Ильин – желтолицый карлик с красиво зачесанными седыми волосами – непрерывно менял жен.

Одни говорили, что их у него имелось четыре, другие утверждали, что не меньше шести, причем последние пять были из студенток.

Как все низкорослые мужчины, Ильин обладал мощным темпераментом и предпочитал женщин статных.

Будучи достаточно талантливым математиком, он тратил слишком энергию на удовлетворение либидо, до пятидесяти с лишним лет не защитил докторскую.

Его уважали за ум, но не любили за характер; даже манера обращаться ко всем на «вы» и по имени-отчеству отдавала иезуитством.

Работать в паре с Ильиным никто не соглашался, начальство назначало вынужденно бессловесных.

Этим летом наказание выпало Панину.

Окончив аспирантуру в *Alma mater*, он защитился в срок, восемь лет назад. Но из-за перманентного пьянства Зотова, не участвующего в университетских интригах, кафедру обделяли в ставках.

В итоге Панин целых три года работал простым ассистентом со степенью, старшим преподавателем стал с опозданием.

Теперь все шло по плану, будущей весной из «ИО» предстояло стать реальным доцентом.

Бумажная волокита подразумевала положительные характеристики, ради которых следовало безропотно слушаться всех начальников: от завкафедрой до ректора.

– В общем, готов к труду и обороне, – Панин вздохнул. – Начинаем?

– Без вас бы давно начал, – Ильин уничтожающе сверкнул очками. – Да ваша подпись нужна. Кто у нас первый?

– Тюльнёва, – ответил он, взглянув в список.

– Тюльнёва! – на правах старшего позвал Ильин и взял из стопки экзаменационный лист.

– Иду!

В последнем ряду поднялась высокая девица.

Фигура ее изобиловала богатыми изгибами.

Невыразительное круглое лицо было покрыто прыщами, говорящими о потребности в мужчине.

В столе под крышкой – скрытно от абитуриентов – лежал листок, на котором было крупно написано: «2 3 4 5».

Коллеги-экзаменаторы испокон веку пользовались этим средством, чтобы без слов обсудить оценку, указав пальцем нужную цифру.

Сейчас гаджет вряд ли мог пригодиться.

Раб обильной плоти, Ильин порой становился необъективен.

Приемный экзамен был рулеткой для абитуриентов; сейчас, вероятно, пришел такой случай.

Панин не посмотрел вопросы билета, не взглянул в ответ, написанный ровным почерком, не стал слушать – отвернулся к окну и подумал об Галине Сергеевне.

Точнее – о ее словах.

Он не собирался жениться.

Не собирался пока и – возможно – вообще.
Девяносто процентов мужчин жило в браке.
Панин жил легко.

Он находил женщин то в старой памяти, то на сайтах знакомств, получал удовлетворение и не планировал ничего серьезного.

Бывший одноклассник – нынешний врач-педиатр, главный детский гастроэнтеролог облздрави, доктор медицинских наук – повторял программную фразу:

– *«Невозможно получать чувственные радости от женщины, с которой пользуешься одним унитазом.»*

С этим утверждением нельзя было не согласиться.

Но сегодня Панин подумал, что доктор не совсем прав.

Что годы уходят неощутимо и скоро их останется совсем мало.

Что сейчас он – не молодой, но и не зрелый человек, у которого все впереди.

Математик с наполовину написанной докторской, которую можно возобновить.

Возможно, стоило остепениться, уйти из зоны венерических рисков и жить с одной женщиной.

На матфаке университета женщин работало столько же, сколько мужчин.

Но ни одна – кроме лаборантки Галины Сергеевны – не вызывала нужного отклика.

Думать о том было грустно.

– ...Очень хорошо! – голос Ильина вырвал из невеселых дум. – *«Отлично»*... Дмитрий Викентьевич не возражает?

– Не возражает... – откликнулся Панин.

Все поступающие на специальность *«менеджмент»* были одинаковыми неучами.

Сюда шли интеллектуальные отбросы, которым не нашлось места даже в Полицейской академии.

Всем можно было поставить хоть *«пять»*, хоть *«два»*, поскольку их знания равнялись минус бесконечности.

Сам Панин находился в скверном настроении из-за того, что звонок заведующего оторвал от Галины Сергеевны.

Но старый сморчок Ильин имел право на приоритеты по своему вкусу – опять-таки, потому что все абитуриенты были одинаковыми дураками и дурами.

– ...Где ведомость, давайте подпишу!

– Йёссс! – воскликнула Тюльнёва, повернувшись к аудитории.

– Обэхээс... – вполголоса буркнул Панин и выкликнул следующую по списку фамилию: – Коровкина!

Девушка, поднявшаяся со второго ряда, была не в Ильинском вкусе.

Небольшая, со скромным бюстом и светлым личиком, на котором неестественно выделялись губы, накрашенные алой помадой, она явно приехала из деревни.

Об этом говорил тот факт, что в жаркий летний день девушка поддела черные колготки под светлое платье, как никогда не делали горожанки.

– Дмитрий Викентьевич, начинайте, – сказал Ильин, вытащив телефон и что-то там рассматривая. – Я послушаю.

– *«Формулы сокращенного умножения»*, – прочитал Панин первый вопрос билета.

– Ну да, они, – подтвердила девушка с комедийной фамилией. – Они самые.

Ее взгляд был столь радостным.

– Давайте сюда, – сказал Панин, отложив в сторону билет и протянув руку.

На листе, не испачканном посторонними записями, значилось лаконично:

$$(x + y)^2 = x^2 + 2xy + y^2.$$

- Хорошо, – он кивнул. – И даже очень. Второй вопрос...
- Что – «хорошо», Дмитрий Викентьевич? – спросил Ильин. – Формулу я вижу. Но что она означает? Я вас спрашиваю, Коровина...
- Коровкина, – поправила девушка.
- Извините, Коровкина. Прочитайте, что вы тут понаписали.
- Ха плюс у два наверху равно ха два наверху плюс два ха-у плюс у два наверху, – бойко проговорила абитуриентка,
- Что за «ху», кто наверху?! – Ильин взвился так, словно это касалось его лично.
- Это...
- ... Что вы несете?
- Формула написана правильно, – не давая Коровкиной раскрыть рта, ответил Панин. Как математик он должен был быть возмущен, но как человек понимал, что будущему менеджеру эти чертовы формулы сокращенного умножения понадобятся не более, чем собаке пятая нога.
- Девушка волнуется, запуталась, – добавил он.
- Волнуется она... – с ядом ответил желтолицый доцент. – Не здесь надо было волноваться!
- Но я, тут...
- Идите. Неудовлетворительно!
- Послушайте, Аркадий Валентиныч, – возразил Панин. – Давайте посмотрим второй вопрос!
- Не понимая себя, он защищал несуразную абитуриентку.
- Чтобы еще одно «ху» увидеть, только внизу? Не о чем говорить, – отрезал Ильин. – Человек не может внятно прочитать то, что написал сам. Неудовлетворительно.
- Схватив со стола экзаменационный лист, он сунул его девушке в руки.
- На будущий год приедете поступать. И попросите, чтобы вам кто-нибудь эти формулы прочитал вслух прежде, чем явитесь на экзамен.
- Закусив губу, девушка встала и деревянной походкой прошагала к двери.
- Кто там следующий? – спросил Ильин. – По списку... господин Малышев, не так ли?
- ... Можно я, я уже готова!
- Девица, которая поднялась из среднего ряда, была еще более телесатой, чем Тюльнёва. На сегодняшнем экзамене лимиту «пятерок» явно предстояло исчерпаться.
- Начинайте сами, Аркадий Валентиныч, – тихо проговорил Панин. – Мне нужно в туалет.
- Работа в паре с Ильиным была епитимьей перед очищением на доцентское звание, но никто не мог заставить работать всерьез.
- Выйдя в коридор, он достал бумажник.
- Наличности нашлось двести рублей: четыре грязных бумажки по пятьдесят, одну из которых предстояло разменять в маршрутном автобусе на пути домой.
- Принимай сисястых девок сам, старый козел, – громко пожелал Панин закрытой двери. – А я пошел в банкомат за тремя сотнями для Леонида Леонидовича.

3

– Что, так и сказала – «два наверху»?! – ухмыльнулся Игорь Станиславович Горюхин, неостепенный старший преподаватель кафедры высшей алгебры и геометрии.

Белозубый, как Голливудская кинозвезда, поджарый и мускулистый, он выглядел великолепно.

Полосатая футболка агрессивностью несочетающихся цветов вызвала ассоциацию с флагом сексуальных меньшинств.

Но с ориентацией Горюхина все обстояло нормально.

Он был легендой математического факультета в области походов среди студентов, но – в отличие от Ильина – ни на ком не женился.

– Именно так, Игорь Станиславович. Дмитрий Викентьевич подтвердит.

Панин молча кивнул.

В большой аудитории пахло шампанским и кофе.

Доцент кафедры теории функций Леонид Леонидович Артемьев, которому то ли сегодня, то ли вчера исполнилось пятьдесят с чем-то лет, стоял во главе фуршетного стола.

Когда-то Панин учился у него, слушал лекции и сдавал экзамен по ТФКП. Сейчас они стали полноправными коллегами.

Артемьева он уважал: было в этом доценте необъяснимое внутреннее благородство, редкое в нынешние времена.

Высокий, стриженный почти под ноль и загорелый до желтизны, он напоминал китайского киноактера Гэ Ю.

Как и все прочие экзаменаторы, прошедшие целый день при жаре в душном физматкорпусе, доцент Артемьев до смерти устал.

А сейчас, конечно, молча завидовал тем людям, чей день рождения пришелся на зимнее время, когда можно от души выпить крепкого и крепко закусить.

Впрочем, устали все без исключения.

– Но как это – два наверху? – спросил коллега Горюхина, неженатый ассистент Андрей Владимирович Морозов. – Я понимаю, если бы...

Тощий, сутулый, очкастый, обросший черной бородой, он напоминал Лазаря – не ожившего, но восставшего из гроба – однако на факультете его почему-то называли «*Самурай Мудакито*».

Панин уважал Морозова за чувствительную душу и умение понимать непонятное.

– ...Если бы «*один наверху*» и «*один внизу*». Но как два могут быть наверху – убей, не пойму.

– Да элементарно. И два наверху и три с обеих сторон...

Горюхин ухмыльнулся, взглянул на Галину Сергеевну и добавил, понизив голос:

– Я тебе по пути домой, Андрей Владимирович, расскажу, как это делается.

– Ну, Игорь Станиславович, – сказал Ильин. – Расскажите уж, просветите старика...

А вы, Дмитрий Викентьевич, почему молчите?

– Я... – Панин встрепенулся, взглянул на Артемьева.

Тот больше, чем обычно, напоминал китайца.

– ...Циньхуй-суйхуй, сяосяо-хуйхуа!

Слова пришли из студенческого прошлого.

Тогда каждый изгалялся, как мог, остроты сыпались из рога изобилия.

Фраза означала нечто безобидное. Но китайские фонемы придавали ей непристойное звучание.

Ильин китайского не знал и, кажется обиделся.

Панин не отреагировал: пиетета к похотливому старику он не испытывал, поскольку у него не учился.

В дверь кто-то поскребся, потом тихонько приоткрыл.

– Мы заняты, у нас заседание! – рявкнул Федор Иванович Куценко.

На факультете он имел кличку «*Шаляпин*» – хотя на великого певца не походил ничем, кроме имени-отчества – был невысок и коренаст.

Самого Панина, тоже чисто по фамилии, иногда называли «*Адмиралом*».

Учившись на год позже и специализируясь по кафедре теории функций, Шаляпин уже был доцентом.

Хитрый хохол выбил бы себе должность, даже работая под запойным Зотовым.

– Два наверху, два наверху, два наверху... – нараспев повторил Куценко. – Придумать же такое! Надо попробовать.

– А три наверху можно реализовать? – поинтересовался Морозов. – Я не понял, что ты имел в виду, но все-таки. Дима, а ты как считаешь?

Панин пожал плечами, привычно отметив, что все зовут его Димой, а Галина Сергеевна говорит «*Митя*» – хотя от этого ничего не менялось.

– ...Федя, шампанского!

Над Шаляпиным возникла Гагатька – Вера Воропай.

Под тонкой блузкой подрагивала молодая грудь.

Если бы не скверный характер, эта женщина была бы привлекательной.

– Вера, я за рулем!

Рукой, напоминавшей окорок, Куценко отвел от себя горлышко.

В простой клетчатой рубашке он выглядел донельзя уютно.

– А я выпью, – возразил Панин и подвинул Гагатьке чашку, используемую вместо бокала.

– Галина Сергеевна, вы можете сделать мне еще кофе? – попросил сорока с чем-то летний доцент кафедры теории программирования Виктор Алексеевич Юрьев, этим летом отпустивший шкиперскую бородку и перешедший с сигарет на трубку.

– И мне, Галя, тоже сделай, если можешь!

Эти слова Панин сказал громко.

Назвать лаборантку Галей и на «*ты*» доставляло почти такое же удовольствие, как уединяться с нею на кафедре.

Галина Сергеевна одарила его материнским взглядом.

*Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград...*

– приятным голосом пропел именинник.

– Ты к чему это, Лёня? – спросил Панинский сослуживец доцент Израиль Айзикович Соломещ.

Находясь в возрасте отцов, он был высок и строен, на лице всегда блуждала доброжелательная улыбка.

Соломещ был лучшим лектором математического факультета и лучшим другом Артемьева.

– Да ни к чему, Израиль, – ответил Артемьев. – Взгрустнулось что-то.

– Не грусти, Лёня, лучше давай махнем на все и сходим за водкой.

– Не могу, Израиль, я за рулем. Как татарин, умен задним умом – надо было ехать на такси.

– Оставьте машину на стоянке, – возразил малопьющий автомобилист Куценко. – И хлопните от души.

– А ты, Федя, присоединишься? – с улыбкой поинтересовался Соломещ.

– Я – нет. За рулем не пью: неудобно, стакан проваливается.

– Так пей на капоте, кто тебе мешает? – усмехнулся Артемьев.

– Да нет, серьезно, – Шаляпин покачал головой. – У меня еще дела в городе.

– Ну-ну...

Махнув рукой, Артемьев отвернулся к окну.

Там все плавилось от жары.

И ажурная башня телецентра, стоящего напротив физматкорпуса, дрожала в знойном мареве.

– Вера... – вкрадчиво заговорил Шаляпин, положив руку на Гагатькино плечо.

– Вер, пошли покурим! – сказал Панин и встал из-за стола.

– Я не курю, – ответила Воропай, глядя снизу вверх.

– Я тоже, но пойдем, – повторил он, глядя на ее грудь. – Идем, идем.

На столе, за которым они сидели, было написано «Горюхин – ... на ножках».

Что именно ходило на ножках, кто-то затер, но добавленный красной ручкой контур мужского полового органа пояснял нечитаемое.

Это входило в порядок вещей.

Любители студенток находили любительниц преподавателей, оставшиеся в стороне завидовали и тем и другим.

Впрочем, в деле случались необъяснимые казусы.

На одной кафедре с Юрьевым работал доцент Кирилл Александрович Шубников, который учился тут четыре годами ранее Панина.

Это был спокойный, уравновешенный человек, за которым никто никогда не заподозрил бы грехов.

Но однажды у Шубникова случился ураганный роман со студенткой по имени Нина, которая была моложе на двенадцать лет.

Девчонка считалась самой умной на курсе и в том никто не сомневался.

Став ассистентом кафедры после аспирантуры, Панин принимал у нее экзамен по математическому анализу и был потрясен глубиной понимания непростых вещей. Такой уровень восприятия встречался у одного студента из ста.

Помимо острого математического ума, у девчонки были густые волнистые волосы, доходившие до пояса, и ляжки изумительной красоты.

Впрочем, последнее в те времена знал лишь Шубников: на факультете Нина появлялась в брюках.

Как доцент сошелся со студенткой, не знал никто, но связь стала притчей во языцех, поскольку в любой день «*сладкую парочку*» можно было встретить то в пустой аудитории, то в рекреации около расписания, то фланирующей по коридору.

Тому имелись причины. Нина жила с матерью, которая ее блюла, а Кирилл Александрович был женат.

Их ситуация напоминала нынешнее положение дел между Паниным и Галиной Сергеевной за тем исключением, что все происходило на виду у всех.

Никто на факультете не сомневался, что двое являются любовниками: нормальному человеку не пришла бы в голову иная причина, по которой мужчина и женщина проводят время вместе.

Происходившее привело к нехорошему результату: Шубников развелся, оставив двоих детей.

Его жена тоже когда-то окончила матфак, женская часть сотрудников яростно всколыхнулась. Против разлучницы была организована кампания, в результате которой Нину не взяли в аспирантуру и она со всем своим умом еле-еле устроилась системным администратором в автотранспортную контору.

Через полгода после ее выпуска Кирилл Александрович женился.

К изумлению благочестивой публики, новой Шубниковой стала не Нинка, а такая же разведенная ассистентка с физического факультета.

Но еще большее изумление испытал через два года сам Панин.

Нине понадобилось что-то выяснить в университетском вычислительном центре, по старой памяти она поднялась на матфак и там они случайно столкнулись.

Скандалная женщина была в мини-юбке и Панин понял, что нашел в девчонке морально покойный Шубников.

Обменявшись приветствиями, они естественно разговорились, но когда столь же естественно оказались в Панинской постели, он испытал почти шок.

«Разлучница Нинка» оказалась девственной, не занималась никакими видами секса, кроме орально-мануального, да и им владела из рук вон плохо.

Вероятно, с Кириллом они всего лишь обсуждали сравнительные преимущества операционных сред «Линукс» и «Юникс» перед тогдашними версиями «Windows». Разрыв с женой у доцента назрел сам по себе, Нина к ситуации не имела ни малейшего отношения.

Кроме волнистой гривы, красивых ног и ума в девице не было ничего особенного.

Грудь ее оказалась ничтожной, вокруг сосков росли черные волосы, говорящие о недостатке гормонов.

Но женская сущность рвалась наружу, с Паниным она творила вещи, каких он не испытывал с другими.

Одурманенный натиском, он встречался с бывшей пассией доцента Шубникова несколько месяцев.

Но Нина слишком часто повторяла, что хочет родить ему ребенка – такого же умного, как оба родителя.

В конце концов Панин расстался с нею, отпустил от себя такой же девственной, какой получил.

После абсурдной связи с Ниной он подумал о матримониальной опасности и полностью переключился на Галину Сергеевну.

Дальнейшей судьбы разлучницы, Панин не знал, но от кого-то слышал, что она вышла замуж, причем два раза.

Трудно было сказать, почему сейчас это вспомнилось – но вспомнилось с особой остротой.

Шампанское на жаре ударило в голову, Панин протянул Гагатьке руку.

– Ну пошли, Дима, – она тоже встала. – Если уж тебе так хочется.

На ней была длинная летняя юбка, скрывающая чудесные икры, но это не волновало.

Куценко нехорошо усмехнулся, Морозов что-то пробормотал.

Панин не обратил внимания.

Ухватив Веру за руку, он повел ее прочь.

У двери Панин почувствовал взгляд и обернулся.

Галина Сергеевна смотрела еще более по-матерински и молча желала ему успеха.

В темноватом коридоре был почти прохладно.

Прижав Гагатьку к стене, Панин потянулся к ее узким губам.

– Дима, ты перегрелся, – сказала она, отталкивая от себя. – Студенты смотрят.

– Студентов нет, только абитуриенты. И те полудохлые.

– Какая разница. Все равно смотрят.

– Пойдем отсюда, – сказал Панин.

Сделав вид, будто сопротивляется, Вера Сергеевна последовала за ним.

Темный матфakovский коридор бежал толчками в недолгом шампанском опьянении, выход на лестницу по левому борту открылся внезапно.

Он толкнул Веру туда, поднимался по лестнице вслед.

Математический факультет занял пятый, последний, этаж физматкорпуса, лестница привела под крышу.

Серая площадка с окном, открывающимся на полметра над полом, была в меру заплелана, в меру замусорена.

В последний раз Панин – тогда еще просто Дима-третьекурсник – стоял тут ровно тринадцать лет назад.

Ему было двадцать, столько же было однокурснице Лиечке Лифшиц с кафедры теоретической механики – высокой и тонкой, как тростинка.

Она казалась эротическим дьяволом, распространяла ауру, смывающую разум.

На студенческих вечеринках во время «медленных» танцев Лия вжималась так, словно была готова отдаться прямо тут, среди разгоряченной толпы.

Но танец кончался быстрее, чем Панин успевал предпринять шаги. А во время следующего Лия обнимала кого-то другого.

В памяти не осталось подробностей, каким образом они оказались на последней площадке под крышей.

Впрочем, Лия курила – и это оправдывало местонахождение.

В промежутки между затычками Панин целовал ее умелые губы.

Но его руки, шарящие по кофточке, не успели по-настоящему оценить Лиину грудь.

Сейчас Лия Львовна стала Дроздовой, выйдя замуж за сокурсника Егора, работала в колледже статистики и имела дочь-школьницу.

А здесь ничего не изменилось.

Разве что вместо красных жестянок из-под кофе «Пеле», куда курильщики ссыпали пепел, под ногами стояли банки от какой-то «Народной» марки.

– И что мы тут будем делать? – спросила Вера, насмешливо глядя на него.

– Ничего, – ответил Панин и двумя руками взял ее за самое притягательное место.

Сквозь тонкую ткань блузки ощущались ребра бюстгальтера – равномерно многочисленные, как швы на носовом элементе самолета.

– У тебя приятная грудь и я тебя хочу, – честно сказал он.

– Ничем не могу помочь, Дима, – голос ассистентки звучал ровно. – Я девственница.

Где-то снизу – на пятом этаже, пролетом ниже – вспыхнули молодые голоса.

Там бродили абитуриенты, которым жизнь казалась сплошным весельем.

А тут воняло застарелым табаком.

Девственниц в его жизни оказалось ненужно много.

– Пошли отсюда, – отрезвев, сказал Панин и первым пошел вниз.

Матфakovский этаж таял в летнем сумраке.

– Будь здорова, Вера, – проговорил он. – Я не буду возвращаться. Устал, как собака. А ты развлекайся шампанским, пей и веселись. Извини, что погорячился.

– Ничего страшного, Дима, – спокойно ответила Гагатыка. – От жары еще и не то случается. Поезжай домой и встань под холодный душ. Все как рукой снимет.

– Спасибо за совет, – Панин улыбнулся и сухо поцеловал ее в лоб.

В дальнем конце коридора мелькнули черные ноги под светлым платьем, но он не обратил внимания.

Он слишком устал от всего: от жары, от экзамена, от неудовлетворенности, от недописанной докторской, от того, что до сих пор не стал доцентом, от чего-то еще – гнетущего и темного, лишаящего сил.

Хотелось скорее оказаться дома, в самом деле принять душ, выпить водки и отключиться от злобы дня.

Глава вторая

1

– ...Дмитрий Викентьевич!

Панин обернулся.

По положому тридцатиметровому крыльцу физматкорпуса – на которое, по слухам, университет списал миллион рублей – спускался доцент Куценко.

– Я, Федя, я! – ответил он, останавливаясь.

Шаляпина некоторые недолюбливали из-за хохляцкой манеры подтрунивать, но Панину он нравился.

– Ты домой?

– Нет, к цыганкам в «Яр», – он отер пот со лба. – Домой, Федор Иванович, куда же еще? А что?

– Поехали, подвезу, – предложил Куценко, качая на пальце брелок в форме тигриного клыка. – Чем на автобусе час париться.

– Федя, я в Сипайлове живу, – возразил Панин. – А ты вроде в Зеленой Роще, нам разве по пути?

– Ну да, я в Зеленке...

Доцент нажал кнопку – стоящая в ряду других серебристая корейская машина узбекского производства мигнула фарами, проскрежетала и завелась.

– ...Но сейчас мне надо в твою Сипуху. Так что поехали.

– И что ты там забыл? Хотя догадываюсь. Не «что», а «кого».

– Мастерство не пропьешь! – Шаляпин ухмыльнулся. – Правильно мыслишь, Дмитрий Викентич.

Куценко и в студенческие времена был отъявленным бабником, хотя, в отличие от Горюхина, всегда действовал аккуратно.

Обузданный семьей и двумя детьми, он не бросил привычек.

– Ну если правильно, то подвези, – согласился Панин. – Буду тебе очень благодарен.

Ехать даже в крошечной машинке, напоминающей унитаз на колесиках, было лучше, чем провести час среди людей, которые моются раз в неделю.

– Немного поторопился заводить, – вздохнул Куценко, когда они спустились на стоянку. – Жара и душно, придется постоять с открытыми дверьми. В этом пидарасном «*Matize*» нет даже кондиционера, следующую тачку буду брать с климат-контролем.

– Ты молодец, Федя, – сказал Панин, бросив свой портфель вслед за куценкинским на заднее сиденье. – Своя машина – это своя машина. Куда захотел, туда поехал.

Вздыхнув, он подумал, что, имея транспорт, мог бы время от времени уговаривать Галину Сергеевну на визит.

– Ну а ты что отстаешь? – спросил Куценко. – Ездишь пешком? Давно бы мог купить, тем более, у тебя и семьи нет.

– Куплю, Федя, через год. Все спланировано и все под контролем. Еще одна приемная кампания – и мне хватит на машину. Думаю взять что-нибудь вроде «*Джетты*», с автоматом и всеми опциями.

– Уважаю, Викентич, – Куценко кивнул. – Только долго не тяни. Говорят, в будущем году приемные экзамены отменяют, ЕГЭ будет одновременно выпускным и вступительным.

– Как, уже в девятом? Вроде разговоры шли, что с тринадцатого? И мы еще успеем обзавестись машинами и поменять квартиры.

– Не знаю, Дима, не знаю. За что купил, за то и продаю. Но в отделе образования о том говорят всерьез. И если так сделают, мы будем лапу сосать, а машины и квартиры станут менять школьные учителя.

– Да, уж, эти сеятели разумного-доброего-вечного...

Школьных учителей Панин не любил.

Его постоянно назначали в оргкомитет областной математической олимпиады школьников – заниматься работой утомительной и, как всегда, бесплатной.

Было противно вспоминать, к каким ухищрениям прибегали «сеятели», чтобы протащить своих учеников в призеры лишь с целью заработать себе очки и получать звание «методиста».

– Думаю, конечно, все как-то переиграется, – сказал Куценко. – Для тех, кто не смог купить хороший ЕГЭ устроят возможность сделать то же самое при поступлении.

– Хочется надеяться. Иначе работать в ВУЗе не останется смысла.

– Смысл, Дима, найдется по-любому. Помнишь анекдот про американца и русского?

– Не помню. Какой?

– «Скажите, а у вас в России есть хоть что-то, чего нельзя купить?» «Конечно есть!

Но оно стоит очень дорого.»

– Хорошо бы, если так, – он кивнул. – Потому что в самом деле без машины устал.

– Но тем не менее, Дмитрий Викентич, имей в виду, что в будущем году приемная кампания может принести хрен целых и хер десятых. Так что я бы на твоём месте взял автокредит. Чуть-чуть переплатил, зато ездил.

– А кто мне его даст? с моей «иошной» зарплатой?

– Почему «иошной»? Ты разве не доцент?

– Потому, Федя, – Панин вздохнул. – Ты забыл, на какой я кафедре? Новой доцентской ставки не было сто лет.

– Ах да, точно. Удивляюсь вообще, как ты со своим пьяндыгой Зотовым сумел защититься!

– Это было давно.

Он махнул рукой, в былое уже не верилось.

– Вроде проветрилось, – сказал Куценко, заглянув в машину. – Поехали.

– Поехали. А то как бы там твоё место не заняли.

– Мое не займут. А ты садись и сиденье сдвинь, ноги у тебя длинные, по земле будут волочиться.

Салон маленькой машины оказался неожиданно просторным, Панин устроился удобно.

В замкнутом пространстве приятно пахло дорогим дезодорантом, уют радовал.

Куценко неторопливо вырулил с парковки, обогнул физматкорпус, вывернул на улицу, миновал главное здание и они покатались под гору.

– Хорошо, – блаженно сказал Панин, глядя на бегущие назад дома. – Машина у тебя зашибенская, у всех воняет тухлой псиной, а у тебя как в пятизвездном отеле. И вообще, Федор Иваныч, мне тебя сегодня бог послал.

– А ты вообще что нынче такой умандошенный? – спросил Куценко. – Трахался, что ли?

– И еще как. Попринимай-ка весь день экзамен в паре с Ильиным и я на тебя посмотрю.

– Да, желтолицый полупидор кого угодно доконает.

– Последний год я перед ними прогибаюсь, – сказал он.

– Перед кем – «перед ними»? – уточнил Куценко. – Конкретно? Все мы перед кем-то прогибаемся и сами кого-то прогибаем. Главное, чтобы вторых было больше, чем первых. И чтобы первые не забывали про вазелин.

– Перед завкафедрой, через него перед деканом и кто там еще укажет, какой рукой мне держать пипирку при писяньи.

– Крепко сказано!

– Я серьезно, Федя. Получу доцентский аттестат и пошлю всех нафиг. Буду пьянствовать и срывать лекции получше Петровича, и никто мне ничего не сделает. А со званием «*доцента ВАК*» смогу уйти куда угодно. Хоть в академию управления при губернаторе области, математика есть и там.

– Завидую твоим планам, – сказал Куценко, затормозив перед светофором и глядя на стрелку, которая должна была вот-вот стать зеленой. – И желаю им сбыться на двести процентов. Но я не о том. Ты Гагатьку потрахал или нет?

– Нет, – честно ответил Панин, поскольку тема была фундаментальной. – Только сиськи потрогал. Она девственница.

– Сегодня девственница, завтра недевственница, – возразил Шаляпин прежде, чем повернуть направо. – Лучше скажи, как у нее сиськи? Имеет смысл вообще?

– Шаляпин, тебе что, сисек мало? Ты вроде и сейчас едешь не дрова пилить.

– Сисек много не бывает.

Панин не ответил.

Сейчас он не понимал, зачем потащил Веру Сергеевну на лестницу, замышлять что-то относительно нее было верхом неразумности.

Да и вообще было стыдно, что сегодня он вел себя, как какой-то ухарь-купец.

Однозначно, это было не его стилем.

– Ты видел, как работает типографская гильотина? – без всякой связи спросил Куценко, переключив передачу, поскольку теперь дорога шла в гору.

– Нет, откуда. А ты видел?

– Видел. В позапрошлом году, когда наша кафедра работала по приемке. Ходил в РИЗО, надо было приготовить листочки с тестами. Их печатали на А1, потом резали.

– На гильотине?

– Ну да, не ножницами же. Кладут целую стопку, выравнивают, потом нажимают две кнопки по краям стола, нож опускается – раз и пополам.

– А почему две и по краям?

– Чтобы рука не попала под нож. А так обе заняты, иначе не сработает.

– Здорово, – сказал Панин.

– Не то слово. Шайтан-машина.

– А что ты ее вспомнил сейчас?

– Да хер его знает. Подумал, что руки-ноги заняты, но если попадет пятая конечность – ахнуть не успеешь, как Гагатька навек останется девственницей.

– Далась тебе эта Гагатька, – он вздохнул. – Или для полноты списка?

– Не знаю, – Куценко беззаботно повел могучими плечами. – Такой уж я.

– Да уж, такой.

– Слушай, Дмитрий Викентьич, что я тебя хотел спросить. Ты ведь вступительные задания нынче составлял?

– Не я один, – ответил Панин. – Но материалы есть. Все, по всем специальностям. А что?

– На заочку для экономистов тесты у тебя есть?

– Есть, конечно. Я и составлял, кстати, изошрялся, как мог, чтобы у этих дураков мозги заплелись в морской узел. А ты что – на заочку остаешься?

– А ты нет?

– Нет. Отстреляем дневное и уйду в отпуск. Всех денег не заработаешь, сил больше нет. Я ведь вместо Петровича дочитывал матанализ на втором курсе. Он, как всегда, взял, через две недели запил, спихнул на нас. Первые два семестра таскал Башмаков, вторые два пришлось мне. А там представляешь что? Кратные и криволинейные интегралы, векторный анализ, ряды

Фурье – его в гробину мать... И не физики – математики, им все надо доказывать, вплоть до теоремы о неявной функции...

– Ну и порядки на вашей кафедре! – Куценко покачал головой.

– Наши порядки – не то слово. Когда я смотрю, что у Спивака и что у нас – кажется, что работаем в разных ВУЗах. У меня своей нагрузки на физфаке выше крыши, вся аудиторная. Плюс к ней еще четыре часа в неделю на матфаке, основной курс. Я читал, Петрович получал зарплату. В общем, устал до смерти. Собирался куда-нибудь поехать, в Турцию или на Кипр – но ты мне пустил ежа под череп. Может, не поеду, не буду тратиться.

– А я буду работать до упора. В свете грядущих событий хочу поменять колеса, себе возьму покруче, «Матизку» отдам жене. И сам понимаешь, в этом деле заочка – золотая жила. Ты же знаешь, кто там будет поступать?

– Знаю, бывал. Убогие, которых даже на паперти запиннают.

– Верно. Таких половина. А вторая половина – богатая шантрапа, которая пролетела не дневное, не успела, опоздала, слишком поздно передумала. Эти за ценой не постоят.

– И это верно. Я тебя понял, Федор Иванович, – сказал Панин. – Тесты у меня дома на компе. Могу переслать через облако, можем сейчас захватить, скину тебе на флешку. У тебя есть с собой?

– Флешка и презер всегда со мной. Это две вещи, без которых не проживешь. Сколько я буду тебе должен?

– За что? – не понял он.

– За тесты для менеджеров.

– Ты сдурел, Шаляпин, – Панин покачал головой. – Я буду брать со своего товарища! За кого ты меня принимаешь?

– За разумного человека, живущего в мире рыночной экономики.

– Я живу в этом мире, но одно дело спустить шкуру с богатых родителей, которые хотят спасти дебила сына от армии. А другое – наживаться за счет такого же собрата по несчастью.

– На этот счет есть разные мнения, – возразил Куценко. – В прошлом году на приемке были диффуры, помнишь?

– Помню. Вера Сергеевна вилась около меня, ей нужно было протащить куда-то дочку материнной подруги, она никак не могла выйти с ними на контакт.

– А я вышел. И за тесты для юрфака Вова Блядин взял с меня сто евро.

Фамилию доцента Владимира Анатольевича Ляндина неприлично переименовали еще в студенческие времена.

Тому были причины.

– Да уж, – Панин вздохнул. – Всегда знал, что диффуры – кафедра говённая, Ильин ее лицо, но не думал, что Блядин до такой степени бляден и жаден.

– Да ерунда, Димка, – Куценко отмахнулся рукой, свободной от руля. – Между нами, девочками, я с той сотни три тысячи поднял.

Помолчав, доцент аккуратно обогнал троллейбус, занявший половину дороги.

– Или даже больше, не помню. В общем, все люди и каждый хочет любить, и солдат и матрос. Так что...

– Федя, про деньги не будем, – отрезал Панин. – Сейчас я тебе помог, завтра ты мне. Так и живем.

– Хорошо, Дима. Решили, сейчас едем к тебе и я твой должник.

– Да ладно тебе, Федя! «Должник – не должник».

– Нет, Дима, я не такой. Ты помнишь еще один анекдот?

– Какой?

– Про то, как отправили пацана в первый раз в первый класс.

– Не помню, Шаляпин, освежи.

– В общем, он ушел в школу. Родители и всякие там бабки-дедки решили устроить торжество. Накрыли стол, поставили торт, сидят, ждут. И вот открывается дверь, заходит первоклассник и говорит...

Перебивая, в кармане Куценкинской рубашки зазвонил телефон.

– Да, – сказал доцент, выловив его и поднеся к уху, немного помолчал, слушая невнятный бубнеж. – Понял, все понял... Все понял, все... Слушай меня... Пусть ничего не делает. Ничего вообще. Сейчас не могу, перезвоню через два часа.

– Кто там? – машинально спросил Панин. – Гагатья?

– Мудакито, – Куценко снисходительно поморщился. – Девчонка, которую репетировал, сегодня получила тройбан, не хватает баллов, он вспомнил про апелляционную комиссию. Хватился, когда поезд ушел.

– Самурай хороший человек, – возразил он. – Это тебе не Вова Блядин.

– А кто спорит? Блядину я бы сказал: «Поздно, Маша, пить боржом» – и повесил трубку.

А Самураю...

Сзади кто-то загудел.

– ... Не бывает неразрешимых проблем, бывает мало денег...

Их обогнал справа высокий джип с тонированными стеклами.

– ... Но и это в принципе разрешимо.

– Шаляпин, ты у нас просто магистр масонской логи!

– Хочешь жить – умей вертеться, – коротко ответил Куценко.

Дорога пролетела через туннель и пошла под уклон.

– Я не для того столько лет учился – сначала как студент, потом как аспирант – защищал диссертацию, писал статьи и разработки, чтобы потом честно пидараситься на доцентскую зарплату, которая меньше, чем у подавальщицы из «МакДональдса».

– Совершенно согласен, Федор Иванович.

– Если наша – мать ее – родина лишила нас нормальных условий жизни, мы создадим их самостоятельно.

– Тысячу раз верно.

– Моисеевы заповеди за всю историю человечества выполнял разве что сам Моисей. Да и то лишь потому, что был не только косноязык, но, сдается мне, страдал и другими физическими неполноценностями.

– Ну ты философ!

– Что есть, то есть. А о порядочности громче всех звиздит тот, кто уже нахапал пару миллиардов.

– Точно, – Панин кивнул. – Вот про то самое, мать его ети, разумное и вечное кто сказал, помнишь?

– Если честно, нет. Я в школе литературу не учил и вообще читал мало.

– Некрасов. А кто он был?

– Поэт.

– Ясно, что поэт. А по жизни?

– Не знаю, – Куценко пожал плечами. – Барин, должно быть.

– Некрасов был карточным шулером. Первым картежником России. Игрой зарабатывал на жизнь и даже содержал журнал.

– И что, думаешь, он жульничал?

– А что – думаешь, нет? Ты когда-нибудь играл в карты?

– Нет, не играл. Я в жизни терпеть не могу трех вещей: шахмат, карт и пьяных женщин.

– Я тоже мало играл. Но знаю, что честной игрой не заработаешь. Пушкин играл честно и после смерти оставил сто пятьдесят тысяч долга.

– Значит, мы и дальше будем жить нечестно, – подытожил Куценко.

– Будем жить, Шаляпин! – Панин стукнул кулаком по колену.

– Будем, Адмирал.

Куценко выглянул в боковое зеркальце.

– А если серьезно, Викентьич, не забывай, что я нынче председатель апелляции, так что если что-то надо – сделаю, как надо.

– Спасибо, Федя, – ответил он. – Пока вроде не надо, у меня все были умненькие, номера ответов не перепутали и устные сдали приемлемо. Но если что – учту.

Впереди показался низинный микрорайон Сипайлово, намытый на песке вдоль излучины черной реки, огибающей город.

– Викентьич, ты где конкретно живешь? – спросил Куценко, сбавляя скорость и принимая правее.

– Как спустишься, сворачивай на Гагарина, потом на Королева, это за «*Простором*», знаешь?

– Знаю. Я как раз на Королева еду, дом девять дробь два.

– Ну и отлично. По Королева до конца, последний дом справа, у реки. Стоит на Набережной, числится по Королева. Первый подъезд.

– Какой этаж? – усмехнулся Куценко.

– Девятый, последний, – он усмехнулся в ответ.

Рабочий день закончился и это было хорошо.

2

Панин долго стоял под душем, фальшиво напевая «*Девочку Надю*», которая развлекала на телефоне.

После душевой ванной комнаты квартира показалась прохладной.

Длинный банный халат – махровый, выделанный под бархат – выглядел барским и выражал Панинскую внутреннюю суть.

К тому же он имел богатый серо-синий цвет и в зеркале Панин напоминал себе эксклюзивного кота породы «*британский голубой*».

Затянув мягкий пояс, он прошел на кухню, чтобы освежиться порцией крепкого кофе.

Такие часы уединения приходили наградой за суету.

Квартира, приемлемая для одинокой жизни, досталась ему после развода родителей, когда мать переехала к новому мужу, а отец удачно разменял прежнюю большую в центре.

Здесь Панина никто не знал, с соседями он не общался.

Приезжая домой из университета, он делал необходимые звонки и, как правило, отключал телефон.

Такой подход позволял насладиться жизнью.

Никто не мешал делать что угодно и сколько угодно долго: сидеть за столом, просматривать научные статьи, писать методички по предмету, шариться в Интернете или что-нибудь читать.

Книги составляли одну из ценностей жизни, но старые Панин перечитал по много раз, а новых не любил.

И потому в последнее время он проводил вечера у телевизора за просмотром фильмов, которые скачивал на киносайтах.

Телевидения как такового Панин не смотрел: навязчивое вещание представлялось агрессивным вторжением в личное пространство.

Этот вечер предстояло провести именно так: посмотреть что-нибудь не очень грустное, но и не очень веселое, спокойное и примиряющее с жизнью – желательно, не российское, уводящее от насущных проблем.

Вода нагревалась медленно, чайник слегка заворчал, когда из передней донесся сигнал домофона.

Открывать Панин не собирался.

Он не открывал никому, проходящему без предварительного звонка.

Но сейчас сообразил, что это мог быть Шаляпин, который получил свое на Королева 9/2 и решил заглянуть еще раз, поговорить о приемных делах.

В доме намеревались поставить подъездные домофоны – и уже начислили за это в квитанциях – но пока двери стояли открытыми и коллега мог подняться без проблем.

Быстро, пока не погас экран, Панин скользнул в переднюю.

Голубовато-серое окошко внутреннего блока еще мерцало.

Донельзя искаженная дешевой камерой, там стояла незнакомая девушка с пластиковым пакетом.

С виду она напоминала недорогую проститутку, пришедшую по вызову и перепутавшую номер квартиры.

Стоило идти обратно на кухню, чтобы девка постояла перед закрытой дверью, осознала ошибку и пошла по адресу.

Но Панин снял трубку и сказал не очень приветливо:

– Кто там? В акциях не участвую, в услугах не нуждаюсь, Евангелиями не интересуюсь.

– Дмитрий Викторович, откройте пожалуйста, – раздалось в наушнике.

Голос показался смутно знакомым.

- Викентьевич, – невольно поправил он. – По какому вопросу?
 - Пустите, пожалуйста! Мне неудобно отсюда разговаривать, я вас не вижу.
- Немного помедлив, Панин отпер.

В тусклом коридорном свете по ту сторону порога стояла абитуриентка Коровкина – в том же светлом платье и в тех же антрацитовых колготках и раскрашенная, как испанская шляха.

- Ой... – она поднесла к щекам ладони. – Это вы, оказывается!
- А это – вы, «два наверху», – он усмехнулся. – Чем обязан?
- Так пройти к вам можно, Дмитрий Викторович?
- Викентьевич, я вам сказал. Проходите, раз уж явились.
- Ви-кенть... евич? – по слогам проговорила девушка, шагнув в переднюю. – Разве есть такое имя?
- Как видите, – ответил он и запер дверь.
- А я думала, она типа пошутила, когда вас так назвала.
- Кто – «она»? И, кстати, как вы меня нашли?
- Так я же говорю – секретарша ваша с кафедры. Ну, которая распоряжается вступительными экзаменами.

Панин вздохнул, подумав, что стеклянная баррикада непреодолима: для него экзамены были «приемными», для девчонки – «вступительными», и в этом заключалась суть.

К кому обратилась неудачливая абитуриентка Коровкина, гадать не приходилось.

- Галина Сергеевна лаборантка, а не секретарша. И она вовсе не моя. Я не министр, не ректор, не декан и даже не заведующий кафедрой.
- Ну не знаю, она не назвалась... Такая толстая, старая.
- Никакая она не толстая, – возразил Панин. – И уж вовсе не старая.
- Вы с ней... типа дружите, да? – продолжала гостя.
- Дружим, – признался он, ввязываясь в глупый разговор. – А почему вы догадались?
- Нипочему. Просто она... Говорит, вы из всех самый добрый и самый справедливый. Хотя я это и сама поняла.

Оглянувшись вокруг, она поставила свой пакет на пол около пуфика.

- Вы ведь не хотели меня заваливать, это старый мухомор меня выгнал...
- Так вы пришли, чтобы сообщить мне, что я самый добрый и справедливый? – насмешливо спросил Панин.
- Ну... – девушка взглянула в упор.

Глаза ее – которых на экзамене он не рассмотрел – были очень большими, серыми с темными крапинками вокруг зрачков.

- Ну не только для этого. Я с вами поговорить хочу. Вы меня пустите?
- Но я же вас сразу не прогнал. Значит, пушу. Давайте, проходите в гостиную.

Девушка нагнулась, чтобы расстегнуть босоножки на невероятно высоких каблуках, которых он до сих пор не замечал.

Затылок ее оказался тонким.

Бедра слегка расширились, хотя в таком возрасте вчерашние школьницы оставались узкими, как мальчишки.

Отметив это, Панин вспомнил рассуждения многоопытного Горюхина.

Тот говорил, что мнение о развратности города и целомудрии деревни – миф, не имеющий оснований.

По словам Игоря Станиславовича, в городе ранняя половая жизнь является уделом единиц, а у деревенских все обстоит наоборот.

Причина заключалась в том, что городским доступна лишь интернетская порнография – и то если удастся взломать родительский контроль. А в деревне на глазах у всех совокупаются кошки, собаки, куры и утки, овцы, козы, коровы и даже лошади.

Поэтому деревенский житель занимается тем же самым, едва начав соображать, что к чему. При этом, из-за малочисленности социума, сор из избы не выносятся.

Горюхин утверждал, что в деревенских семьях царит инцест между братьями и сестрами – причем ради сохранения девственности, неестественным путем.

Знают, конечно, стоило верить с фильтром, хотя подобные убеждения не могли возникнуть на пустом месте.

Но нехорошие подробности Панина не касались.

Он просто посмотрел на девушку и отметил, что у нее – миниатюрная, но почти взрослая фигура.

Когда Коровкинское колено в черном эластике высунулось из-под платья, Панин сообразил, что ожидал увидеть Шалыпина и встретил ее в халате на голое тело.

Это могло быть понято неверно.

– Проходите, проходите, – повторил он. – Присаживайтесь пока на диван, я переоденусь в цивильное.

Девушка выпрямилась.

Без каблучков она оказалась совсем маленькой.

– Тапочки там, в углу, – добавил Панин, стоя на пороге спальни. – И вообще могли не разуваться, у меня полы давно не мыты.

– Ничего, я привыкла босиком, – ответила Коровкина. – А пол у вас стерильный, не то что в деревне.

Плотно закрыв дверь, Панин повесил халат на крючок, не спеша натянул домашнюю одежду – клетчатую рубашку и джинсы.

Застегиваясь, он подумал, что в соседней комнате сидит гостья, размалеванная как девочка по вызову, и ситуация кому угодно показалась бы двусмысленной.

Но девчонка была такой маленькой несурзальной, что вождесть ее мог только какой-нибудь Горюхин.

Панин по отношению к ней ощущал лишь сочувствие.

И еще – досаду оттого, что не смог переломить Ильина и поставить ей тройку.

В гостиной стоял зной летнего дня: отправившись мыться, он не успел проветрить и включить кондиционер.

Пройдя к окну, Панин распахнул балконную дверь.

Воздух, рванувшийся оттуда, был еще более горячим, во дворе перекалывали асфальт и в комнате запахло гудроном.

Он опустился в кресло, стоящее перед письменным столом в углу.

Начало лета было заполнено изнурительным репетиторством и вступительными махинациями, середина – приемными экзаменами, которые изнурили еще больше, потому что сами по себе уже не приносили денег. Каждый лишний день томил мыслями об отпуске.

Поездка домой на Куценкинской машине расслабила, прохладный душ расслабил еще больше. Сейчас хотелось выпить две рюмки водки с горсткой черных маслин, лечь на диван, запустить какой-нибудь корейский фильм и не думать ни о чем.

Приход чертовой Коровкиной нарушал планы, отсрочивал вечернюю сиесту.

Просунувшись между столом и стеной, Панин вслепую щелкнул выключателем пилота, нажал кнопку на системном блоке, желая показать внезапной посетительнице, что он занят и не намерен рассиживаться за разговорами.

Потом повернулся вместе с креслом и пропел:

– «Девочка *Надя*, чего тебе надо?
Ничего не надо, кроме шоколада!»

– Я не *Надя*, – возразила *Коровкина*. – Я вообще-то *Настя*.

– «*Шоколад не дорог,
Стоит рубль сорок.
Если денег нету —
Подойдут конфеты...*»

– Про конфеты спасибо, что напомнили.

Сверкнув черными коленками, она поднялась, вышла в переднюю, пошуршала в пакете и вернулась с коробкой довольно дорогих шоколадных конфет.

– Вот. Это вам.

– Зачем? – пробормотал *Панин*. – Зачем тратились, вообще-то *Настя*?

– Затем. Я хоть и деревенская, но понимаю, что с пустыми руками в дом не приходят. Держите. Это вам.

– За какие такие заслуги? – уточнил он, приняв коробку. – Я же вам ничего хорошего не сделал.

– Можете сделать, если захотите.

– Товарищ... то есть госпожа *Коровкина*...

– По мне лучше уж гражданка. Мне до госпожи еще шагать и шагать.

– Ну ладно, пусть гражданка. Так вот, гражданка *Коровкина*, вы не вполне четко понимаете ситуацию, – проговорил *Панин*, вспомнив свои профессиональные обязанности. – У нас есть апелляция комиссия, обращайтесь туда.

– Ага, обращаюсь, – девушка невесело кивнула. – Прямо сейчас.

Она снова села на диван.

– Я не такая дура, какой вам кажусь...

– Дурой вы мне не кажетесь, – автоматически перебил он.

– ...Я все уже узнала. Апелляции принимаются только по письменным работам.

– По устным тоже, если постараться. Но...

Федор Иванович Куценко-Шалапин говорил, что не бывает неразрешимых проблем.

Но у этой девчонки вряд ли было много денег.

Будь их достаточно, она бы заранее наняла репетитора, после которого элементы школьной программы отщелкивались от зубов.

И потому *Панин* промолчал.

– Но кто у меня примет? – продолжила *Коровкина*. – Я все формулы помню наизусть – но тупо, как овца, объяснить ничего не могу. Что поделаешь, если в школе ничему не учили. Я же из деревни приехала.

– Да я это понял уже, – смягчаясь, сказал он. – Еще там, на экзамене. Личико у вас слишком свежее для города.

Панин упомянул лицо, но сам подумал про черные колготки со светлым платьем.

– Ну так вот, – сказала *Настя*. – О чем я и говорю. За два часа я рассказывать не научусь. С дневным отделением пролетела, как фанера над Парижем. Теперь осталось заочное. А там те же экзамены.

– И что?

– Да ничего. Просто я хочу, чтобы вы со мной позанимались, подготовили...

Он вздохнул.

– Я вам заплачу, – добавила девушка.

– Заплатите, конечно, – он кивнул. – По стандартной таксе, за каждое занятие. Цену узнавали?

– Да, в абитуре все всё знают. Когда можно будет начать?

– Когда... – Панин на мгновение задумался. – Да хоть завтра.

– А сегодня – нельзя?

– Сегодня... – он потер лоб.

Усталость вдавливала в кресло.

Когда занятие было обусловлено заранее, он умел настраивать себя на долгую работу, а сегодня напрягаться не хотелось.

– Куда гнать? Раньше начнем – раньше забудется. Завтра. Приходите часов в пять. Заниматься будем два академических часа, то есть до полседьмого... Возьмите тетрадку и ручку, остальное есть у меня. Понятно?

– Понятно, – ответила Настя, не двигаясь с места.

– Что-то еще? – спросил он.

– Да нет, ничего... Конфеты вот в холодильник положьте, а то они подтаяли.

– Конфеты? Ах да, конфеты... Напрасно вы тратились, я вам ничего хорошего еще не сделал.

Панин понял, что начал повторяться.

– Мне эта ваша... Галина Сергеевна сказала, что вы сладкое любите, я вот и решила...

– Люблю, да, – признался он. – И...

В гостиной повисла тишина.

Компьютер давно загрузился, тихонько гудел, на мониторе стояла умиротворяющая картинка – лиловый закат над лесом и облака, отражающиеся в зеркальной глади озера, на берегу которого стоял огромный дом, где жили невидимые счастливые люди.

Закату предстояло упасть, пока тянулся летний вечер.

Девушку стоило проводить до двери, а самому наконец выпить водки, раздеться и лечь на диван.

И остаться в спокойном одиночестве.

– ...И раз уж вы сюда ехали, как вышло только для разговора, – продолжил кто-то за него. – И раз еще и гостинец принесли, то... То как вы относитесь к тому, чтобы выпить кофе? С вашими конфетами?

– Я кофе вообще-то не пью. То есть не пила никогда. У нас дома кофе не водится. Если чаю разве.

– Ну чаю так чаю. Идемте на кухню, а тут включим кондиционер.

– А жена ваша не вернется, нас не застукает?

Девчонкин голос звучал спокойно, Панин не сразу сообразил, о чем идет речь: мысли текли по другому руслу, вились около экзаменов и последних летних заработков.

– Жена не вернется, – не сразу ответил он.

Девушка молчала выжидающе.

– Не вернется, потому что ее нет. Не было никогда и не будет. Так что идемте пить кофе и чай, нам ничто не грозит.

3

Восьмиметровая Панинская кухня была заполнена ароматами кофе – на «народного», а антинародного: он покупал себе марки не ниже, чем «Эгоист».

Настя сидела у окна, закинув ногу на ногу.

Узкие коленки сияли одно над другим, узкая ступня, заканчивающаяся черным колготочным носочком, покачивалась в воздухе.

Гостья не пыталась вызвать отклик, просто ей так было удобно.

А Панин смотрел на нее не как на существо женского пола, а как на школьницу, попавшую в трудную ситуацию.

К студентам вообще он относился по-отцовски, а уж к этой испытывал только сочувствие и желание помочь.

Девчонка трещала, как сорока – рассказывала, как из рук вон плохо учили в деревенской школе, вспоминала недолгих подружек-абитуриенток, строила предположения о разнице требований между дневным и заочным отделениями, болтала о чем-то еще.

Витая в своих мыслях, попивая крепчайший кофе, Панин слушал вполуха, воспринимал через слово, но ощущал рядом с ней какой-то необъяснимый, спокойный уют.

– Еще будете? – оборвав поток слов, спросила Коровкина. – Насыпайте, я вам налью!

– Валяйте, – разрешил Панин.

Его забавляло, что девчонка ведет себя так, словно это он пришел к ней в гости, а не наоборот.

– Люблю когда за мной ухаживают.

– Например, ваша Галина Сергеевна?

Настя поставила ноги ровно, чисто женским движением натянула подол платья, украшенный красным орнаментом.

– Что вам далась моя Галина Сергеевна? – он вздохнул. – Она-то тут при чем?

Истинная женщина всегда была проницательной, но в малолетней абитуриентке это удивляло.

– Нипричем, – ответила она. – Проехали. Пьем дальше ваш кофе.

– Пьем. Только, пожалуйста, чайник включите еще раз, кофе должен быть кипящим.

– Хорошо, учту на будущее.

Панин усмехнулся, подумав о несуществующем «будущем».

Чайник стоял в углу на тумбочке рядом с тостером под консолью, на которой висела микроволновая печь.

Встав со стула, Настя шагнула туда.

Ее движения были грациозными.

Она совершенно не походила на приземистых девок с короткопалыми грубыми руками, которые приезжали учиться из деревень.

Подумав о том, он сказал – не подбивая клинья, а просто, как человек человеку:

– Послушайте, гражданка Коровкина... Вы вот тут деревню раз двадцать упомянули, но я гляжу – в вас деревенского только и есть, что здоровый цвет лица. Ну...

Включая чайник, Настя повернулась спиной.

Ноги у нее были очень красивыми, соразмерными и гладкими, и тоже не казались деревенскими.

– ...Ну, еще из одежды кое-что, – он по-доброму усмехнулся. – Откуда вы такие взяли?

Девушка вернулась к столу, наклонилась насыпать ему кофе.

Не успев отвести глаза, Панин невольно увидел все, что пряталось в вырезе ненового платья.

Настины грудки не могли идти в сравнении с Гагатькиными.

Они были скромными, росли на расстоянии друг от друга. Бархатистая мякоть уходила в чашечки черного бюстгальтера, шершавая ложбинка между ними выглядела наивной.

У Нины – которая так и не стала Шубниковой – молочные железы были гораздо меньше, но казались агрессивными.

Впрочем, с той все происходило по-другому.

Когда Панин привел ее сюда в первый раз, в лифте они молча смотрели друг на друга, но в молчании сгушалось грозное электричество.

Едва он втолкнул бывшую студентку в переднюю и запер дверь на все замки, как они рванулись друг другу так, словно всю жизнь ждали именно этого момента.

Как мальчишка, Панин притиснул ее к себе, теряя рассудок от желания – понимал, что Нина чувствует его состояние и не скрывал ничего.

Через час или два, когда они лежали в постели, не зная, что еще можно сотворить друг с другом, она призналась, что была ошеломлена его готовностью.

Панин хвалам не поверил.

Но ошеломленный Нининой изобретательностью в суррогатном сексе, промолчал.

Она немного полежали, потом начали все заново.

Так продолжалось до самого вечера и перетекло бы в ночь, не имея Нина необходимости возвращаться домой, под контроль цербера-матери.

Почему тот эпизод вспомнился именно сейчас, Панин не знал.

Налив кипятка, девушка снова села, закинула ногу на ногу, обхватила колено руками.

Ее пальцы были тонкими.

Происходящее удивляло тем, что девчонка, которую на экзамене он просто жалел, а сейчас увидел в ней порцию дохода в копилку будущей машины, стала вызывать странные ощущения.

Галину Сергеевну Панин вожделел, с Ниной не-Шубниковой безумствовал, Вера-Гагатька вызывала почти исследовательский интерес.

А эта Настя просто нравилась, без предпосылок и перспектив.

Такого с ним не бывало давно – если бывало когда-нибудь вообще.

Панин взглянул на коробку конфет, отметил, что из пяти ячеек по короткой стороне и восьми по длинной пусты шесть, что составляло восемь процентов от общего количества.

– Я из деревни, – заговорила Настя, глядя с улыбкой. – Там и родилась. Но все говорят, что в прошлой жизни я была принцессой. И брат и оба братишки – натуральные колуны, а я словно не их сестра.

– О чем я и хотел сказать, – он кивнул. – У вас благородная внешность, в городе такую редко встретишь.

– Мамка с папкой с ног сбились, со мной ничего сделать не могут. Они орут, как резаные, а я вместо того, чтоб полоть морковь, лежу и читаю какую-нибудь книжку про ненашу жизнь.

– «Мамкой», «папкой», – Панин поморщился. – Вот это уже неблагоприятно. Надо говорить «мамой».

– Ну, мамой, – девчонка повела плечами. – Извините, в деревне все так говорят. «Папка», «мамка», «дай-ка», «положь-ка». Мне самой противно, я стараюсь поправляться. Останусь в городе – из меня все выйдет, сто процентов.

– А вы хотите остаться в городе?

– Конечно. Вырваться и забыть деревню, как жуткий сон. Ни родителей больше не видеть, ни братьев, всех трех.

– Думаете, в городе так хорошо? Вы города не знаете. Суэта, асфальт, бетон и выхлопные газы. А в деревне свежий воздух.

– Это вы не знаете, – возразила Настя. – В деревне ничего хорошего нет и быть не может никогда, ни за что, хоть тресни. Только вонь, грязь по колени и трактористы пьяные.

– Так уж все и пьяные?

– Так уж все. И вообще. Вот у вас тут... – она обвела рукой вокруг себя. – Горячая вода круглые сутки, кондиционеры, окна и все блага жизни. С работы пришли – душ хоть каждый день приняли, как огурчик свеженький по паркету расхаживаете. А в деревне? Насос в колодце, песок каждый день из труб вычищать. Вместо ванны раз в неделю баня на задворках. Интернет то есть, то нет. Наизнанку вывернусь, но в городе останусь. Мне бы только в универ поступить.

– Поступите, – успокоил он. – Сделаю все возможное.

Настя не ответила.

На кухне упала тишина столь плотная, что было слышно как внизу – через этаж, на седьмом – надсадно плачет ребенок.

– Ну ладно. Я вас заболтала совсем, – девушка вздохнула, быстро взглянула на часы, зеленевшие на панели микроволновки. – Пора и честь знать. Хватит на сегодня. Вы кофе допили? Еще хотите?

– Вроде бы допил, – кивнул Панин. – И пока, пожалуй, хватит.

– Тогда завтра приду в пять, как договоренось, и будем математику учить. Да?

– Будем, Настя, будем.

Он встал, чтобы проводить гостью.

Она тоже встала – маленькая и тонко сделанная – но не двинулась.

– Что, Настя? – догадался Панин. – Вам требуется в одно место? Тут оно, вот, около кухни, я выйду, не стесняйтесь.

– Нет, не это, – ответила девушка. – Можно, я у вас тут еще слегонца похозяйствую? Конфеты уберу, чашки-блюдца сполосну.

Сам он терпеть не мог мыть посуду, даже одну тарелку ставил в посудомоечную машину. Но Настю можно было понять.

Она всем видом показывала, как хорошо ей в городе по сравнению с нелюбимой деревней. Ей хотелось побыть еще несколько минут в атмосфере неторопливого домашнего уюта.

– Можно, Дмитрий Викентич?

– Можно, Анастасия...

– ...Николаевна, – подсказала она, уловив паузу.

– Можно, Анастасия Николаевна! Хозяйствуйте, если хотите.

Лучисто улыбнувшись, девчонка накрыла коробку крышкой и спрятала в холодильник, потом принялась мыть кофейные чашки.

Панин не понимал себя, но наблюдать за неторопливыми, спокойными и женственными движениями было еще приятнее, чем просто сидеть за столом в ее присутствии.

Что-то менялось на небе.

Звезды свернулись с циферблатом и стали поворачиваться, выстраивая какую-то новую композицию.

Этого не могло быть, поскольку не могло быть никогда – но это было так.

Глава третья

1

– Нет, Митя, нет, даже не начинай!

Галина Сергеевна решительно сняла его руки со своей груди и застегнула пуговицу на блузке..

– Шеф тут. Злой, как черт, и заглядывает каждые пять минут.

– Петрович вышел из запоя? – Панин усмехнулся. – Так быстро? Не верится.

– Не вышел. Вытащили. Вчера Юрьев с Горюхиным поставили «двойку» чьему-то племяннику. Ректор с утра вызвонил Константин Петровича как председателя предметной комиссии, он сидит у себя, бранится, потому что формально председатель апелляционной – Федор Иванович, а у того телефон отключен.

– Вчера был сакраментальный день, – сказал он, вспомнив звонок Морозова. – И, кстати, Галя, ты почему девчонке вчера дала именно мой адрес? Можно подумать, у нас больше нет репетиторов. Самурай ничем не хуже меня, даже лучше, потому что моложе. А уж Горюхин и подавно ас по школьной программе, ему бы не у нас работать, а в РОНО.

Заниматься репетиторством членам предметной комиссии было запрещено.

Но правилом пренебрегали, репетиторствовали все.

Ради летних заработков умные люди до сих пор держались в ВУЗах, не уходили в коммерческие структуры.

– Какой девчонке?

Галина Сергеевна сделала непонимающие глаза.

Кто-нибудь другой ей мог поверить.

Но Панин понял, что лаборантка запомнила Коровкину сразу и на всю жизнь.

– Ну, этой... – насмешливо пояснил он.

– А, этой? Раскрашена, как индеец, одета, как проститутка, в кремовом платье при черных колготках и на метровых каблуках?

– Ну да.

– Я, кстати, не поняла, с какого перепуга ей в разгар приемки потребовался репетитор.

– Потребовался потому, что вчера мы ей влупили «неуд». То есть не мы, а конкретно Ильин, мне слова не дал сказать. Ответ у нее был приемлемый, но формулы не смогла прочитать.

– А, так это была именно она? Я помню, вы вчера обсуждали, что вместо «икс в квадрате» какая-то дурочка сказала «два наверху», и ржали, как жеребцы.

– Мне она дурочкой не показалась, – возразил он. – Девчонка из деревни, ее там учили черт знает как. На общем уровне она была не хуже и не лучше среднего, «тройку» заслуживала только так. Мобильники у всех отняли, ответы писали из головы, так она, по крайней мере, вспомнила формулу – а что еще от требовать менеджеров? Но сивый говнюк сходу поставил пятерку какой-то толстомясой дылде, а эту сразу после нее для статистики выгнал.

Панин вздохнул.

– Жалко ее. Ситуация у нее, мягко говоря, неважная. Многодетная семья нищих, старший брат и два младших, все дружно ковыряются в навозе, а ей хочется вырваться. Она в подробностях не рассказывала, но ты понимаешь: не требуется выпивать море до дна, чтобы понять, что оно соленое.

– Постой, Митя, – Галина Сергеевна взглянула внимательно. – Так она что – к тебе уже прийти успела?

– Успела, Галя, и еще как успела. И фамилия у нее, кстати, подходящая – Коровкина. Как в анекдоте, но я сам видел в ведомости.

– Молодец Коровкина! – лаборантка засмеялась. – И ты ее уже оприходовал?

– Галя, не путай меня с Игорем Станиславичем, – строго возразил он. – Да будет тебе известно, у меня даже со студентками никогда ничего не было, а тут и вовсе абитуриентка, несовершеннолетняя.

Панин подумал о Нине, но то был совершенно иной случай.

Развратная девственница, конечно, когда-то училась у него. Но в объятия порока они пали уже после того, как она перестала быть его студенткой.

Нина не зависела от Панина, он ее ни к чему не принуждал, в его постели она оказалась по своему желанию.

– Чисто деловые отношения. Сегодня вечером придет заниматься.

– Да я пошутила, Митя, – оправдывающимся тоном ответила Галина Сергеевна. – Пошутила, не обижайся.

– Больше так не шути. Ты прекрасно знаешь, что кроме тебя, мне никто не нужен. Специально ради этого приехал, да Петрович опять обломил.

– Это мы с тобой обсуждали сто раз. В сто первый говорю, что тебе пора жениться. Я-то вчера, грешным делом, подумала, что ты с Верой Сергеевной – как сейчас выражаются – наконец собрался замутить.

– И ты туда же! – он махнул рукой. – Далась вам всем эта Гагатька...

– У нее большая грудь и красивые ноги, – перебила она.

– ...Можно подумать, кроме нее на матфаке нет незамужних девиц. С ногами и грудью. Лилия Робертовна, Ольга Григорьевна, Наталья Евгеньевна, кто там еще?

– У Лилии Робертовны женатый любовник, там все устоялось и она не собирается ничего менять, – возразила Галина Сергеевна. – Ольга Григорьевна в августе выходит замуж – потихому, чтобы не устраивать торжества. А Наталья Евгеньевна...

– Что «*Наталья Евгеньевна*»? Беременна двойней, один от негра, второй от китайца?

– Если ничего про нее не знаешь, так лучше и не знай. Посмотри повнимательнее на Светлану Александровну.

– А что мне на Свету смотреть, – Панин засмеялся. – Мы с ней дружим с тех времен, когда я был уже аспирантом, а она еще студенткой.

– Ну так вот, она тебя обожает и ты прекрасно это знаешь.

– Знаю, конечно, и я Свету тоже обожаю. Такую женщину нельзя не обожать.

Светлана Александровна Аверкина училась на три года позже, сейчас работала на кафедре математического моделирования, которую окончила восемь лет назад, и уже имела звание доцента. Она была лучшей и любимой ученицей профессора Семена Израилевича Спивака, кандидатскую написала без отрыва от учебного процесса.

Сама по себе эта кафедра разительно отличалась от остальных.

Благодаря характеру заведующего, поддерживающего атмосферу дружелюбия, она казалась средоточием жизни факультета.

Работая на матанализе, Панин жил на моделировании, посещал все их мероприятия, выпивал со Спиваком, еще больше общался со Светой.

В данный момент доцент Аверкина была самой яркой женщиной матфака.

Ни у кого больше не имелось таких выразительных карих глаз.

Света искрилась энергией, своим присутствием она освещала любое событие – будь это даже какой-нибудь старорежимный «*субботник*» по уборке окурков под окнами физматкорпуса.

Никто на факультете не исполнял с такой душой русские романсы.

Ее креатив фонтанировал в разных направлениях.

Именно Светлана Александровна подала Семену Израилевичу идею сплясать на столе.

Это произошло на дне рождения профессора, который справлялся приватно, но шумно.

Правда, в первый раз учитель и ученица не рассчитали прочность материальной части: на фрейлехс они вышли вдвоем, деревянные ножки не выдержали и стол рухнул. Но все обошлось без ущерба, никто ничего не сломал, а водка и посуда были составлены на другой стол.

При насыщенной общественной жизни не оставалось временного резерва на личную.

Прекрасная со всех точек зрения, доцент Аверкина до сих пор была не замужем.

– Мы обожаем друг друга, – повторил Панин. – Сильнее страсти и крепче, чем любовь.

– Так тем более, – сказала Галина Сергеевна. – От добра добра не ищут. Что ты бегаешь туда-сюда, как джек-рассел-терьер? Женись на Свете, вы составите идеальную пару.

Панин не лукавил, их отношения находились на уровне нежнейшей дружбы.

С объективной точки зрения было ясно, что о лучшей партии, чем Светлана Александровна Аверкина, нельзя мечтать.

Но тем не менее, дальше объятий и легких поцелуев дело не шло.

Несравненная как друг, Света казалась слишком напористой, а его тянуло к женщинам камерного плана.

– Я подумаю над твоим предложением, Галя, – ответил он. – Но... Как бы это выразить... Светлана Александровна сложилась как самодостаточная женщина, мы вряд ли притремся друг к другу. Как круглое и квадратное.

– На тебя, Митя, не угодишь.

Встав из-за стола, Галина Сергеевна подняла посеревшую от известкового налета бутылку, где отстаивалась вода, и принялась поливать «денежное дерево» на подоконнике.

– Разговоры разговорами, Митя, но жениться тебе пора. Пора жить по-человечески, а не по-холостяцки.

– Галя, понятие «холостяцкой» жизни умерло вместе с советскими временами, когда не было ни туалетной бумаги, ни заказной пиццы, – устало возразил Панин. – А с точки зрения семьи не помню кто однажды сказал: «Хорошее дело браком не назовут».

– Мели-мели, – не оборачиваясь сказала лаборантка.

– Сейчас существуют стиральная и посудомоечная машины, робот-пылесос. Одежда теперь такая, что поносил один сезон и выбросил, ни гладить, ни зашивать. В супермаркете «Акварин» по дороге домой я могу купить порционное филе тунца – сколько мне нужно – и пожарить на сковороде с тефлоновым покрытием, которую не надо отдраивать, а просто поставить в посудомойку. А могу и не жарить, купить готовые ребрышки в маринаде, тоже на один раз. С ними вообще ничего не делать, просто проколоть пластик и поставить в духовку на полтора часа. Пока стоят, принять душ, хлопнуть водки и посмотреть фильм. С Изабель Юппер в главной роли – смотреть и радоваться, что рядом нет такой женщины.

– И никакой вообще нет?

– И никакой вообще. Но и это еще не все. Когда и жарить и даже запекать влом, в том же «Акварине» могу взять что-нибудь готовое в кулинарии, просто сесть и съесть.

– Ты нарисовал очень красивую жизнь, Митя, – Галина Сергеевна усмехнулась. – Красиво жить не запретишь, ясное дело. И мечтать не вредно.

– Не нарисовал, а построил. Я тебе не мечты озвучил, а рассказал все как есть. Прекрасно жить одному.

– Одному-то одному, но как же дети?

– А зачем размножаться? Людей и так развелось слишком много. Уже сейчас с едой стало напряженно, а лет через двадцать и вовсе будем есть котлеты из трупов и суп из сублимированных фекалий.

– Тебя, Митя, не переспоришь, – лаборантка вздохнула. – Но жизнь, знаешь, иногда поворачивает сама.

– Не переспоришь, конечно, – согласился Панин. – Но ты знаешь, Галя...

Он помолчал.

– ...Какое-то иррациональное ощущение. Эта Коровкина пришла вчера договориться насчет репетиторства, принесла конфеты, и...

– А имя у твоей Кобылкиной есть? – перебила она.

– Ее зовут Настя. Анастасия Николаевна. Так вот, Галя, ты знаешь... Эта девчонка мне понравилась.

– Мне на самом деле тоже, если честно, несмотря на боевую раскраску. У нее глаза большие. И умные.

– Да, глаза у нее выразительные. И вообще...

– Что – вообще?

– Ты понимаешь... – Панин потер затылок. – От этой Насти, конечно, прет деревней. Через слово «чѐ» да «ничѐ» и прочий воляпук. И в то же время она не кажется крестьянкой.

– А ты знаешь крестьян?

– А то не знаю. Каждое лето имею удовольствие репетировать Фрось Бурлаковых, приехавших покорять город. Это же дикари, сбежавшие из зоопарка. В дверь не звонят, а стучат. Тупые колоды и снаружи и внутри. А эта такая маленькая, миниатюрная, как Мейсенская статуэтка. Пальчики тоненькие, ручки изящные, как лапки у породистой кошки...

– Митя, я тебя не узнаю, – Галина Сергеевна покачала коротко стриженной головой. – «Пальчики, ручки, лапки»... Ты стал какой-то сентиментальный.

– Да не стал я, не стал, Галя! – воскликнул он. – Просто не вяжется. Родители у нее – навозные жуки. Отец такой болван, что на его голове можно править рельсы кувалдой, и кувалда сломается раньше, чем голова. А она...

– Должно быть, ее мать согрешила с заезжим городским инженером.

– Ну так вот, договорились мы о репетиторстве, больше делать нечего, я взял и предложил выпить кофе с ее конфетами.

– И выпили?

– Выпили, поговорили о том – о сем. В общем, я понял: хорошая девчонка, рвется к новой жизни, надо ей помочь.

– Так помоги ей, Митя. А потом возьми и женись. Все эти «чо-ничо» и черные колготки в тридцать градусов жары – ерунда. Ты помнишь, какой сам был на первом курсе?

– Если честно, не очень.

– Пришел длинноволосый хлюст в цветастой рубашке. А сейчас стал аристократом. То же самое эта девочка. Она культуры отродясь не видела, что с нее взять? Но ведь в город приехала, как я поняла, по собственной воле. Значит, хочет жить по-человечески. И у нее это получится. Ей просто надо, как ты говоришь, немножко помочь. И слегка обтесать.

– И тесать должен именно я, – Панин усмехнулся. – Но я не Пигмалион.

– Должен стать Пигмалионом, – возразила Галина Сергеевна. – Для своего же блага.

– При чем тут мое благо?

– При том, что карьера мужа в руках жены. Она двигатель.

– Ну уж и двигатель, – он покривился, вспоминая жалобы женатых приятелей. – «Вывнеси мусор» и «сделай ремонт». И еще «почему у нас все хуже, чем у других».

– Митя, все сложнее. Ты сейчас в самом деле живешь хорошо и так, как хочется, так ведь?

– Именно так.

– Машины тебе стирают и моют, робот убирается, кулинария для тебя готовит. С точки зрения женщин у тебя тоже нет проблем. Если я надоем...

– ...Ты мне не надоешь!

– ...Если я надоем, – не слушая, продолжала лаборантка. – И если ни с кем больше не сложится, всегда можешь вызвать проститутку. Не жизнь, а малина.

– А разве нет?

– Да. Но чем ты занимаешься дома?

– Как чем? Расслабляюсь и блаженствую. Немного выпиваю, кое-что читаю, а в основном смотрю фильмы, по категориям. Как-то взял и пересмотрел старое кино с Алленом Делоном – оказывается, он очень сильный актер. Потом изучил китайское, современное, очень интересно, мы его не знали. Скандинавское: норвежское, шведское, финское. Сейчас углубился в корейское. Все время появляется что-то новое, жить не скучно.

– С тем, что не скучно, не спорю. Но скажи мне, Митя, сколько лет прошло с тех пор, как ты защитил кандидатскую?

– Семь, почти восемь. А что?

– А то, что я была секретарем ученого совета. И помню, как в отзыве ведущей организации, которой у тебя был МФТИ, говорилось, что твоя кандидатская – это докторская, которую осталось лишь чуть-чуть дописать.

– Ну, Галя, – он вздохнул. – Насчет отзыва ведущей организации, которой у меня был физтех, я лучше промолчу. Но кандидатская в самом деле была серьезная.

– И как у тебя дела с докторской?

– Как-как...

Панин поморщился.

Вопрос был болезненным.

Мысли о докторской висели черным облаком, к которому он привык настолько, что перестал замечать.

– ...Пишу.

– И много написал?

Он пожал плечами.

– Только не ври мне, скажи честно.

– Честно? – Панин вздохнул. – Пять глав. Точнее, четыре, у пятой только два абзаца. Еще точнее – две готовых, еще две типа «рыбы», нужно чистить и доводить.

– Ну вот видишь, Митя, – Галина Сергеевна невесело улыбнулась. – О чем я и говорю. Восемь лет у тебя прошло, как вдохнул и выдохнул. Точно так же пройдут еще восемь и еще. С выпивкой под тунца и китайскими фильмами. А чем дальше, тем труднее будет взяться. Жизнь, Митя, пролетит, оглянуться не успеешь, а уже ничего не сделать.

– Ты думаешь?

– Не думаю, а знаю. Так что Анастасия Николаевна Панина, возможно, сейчас твой последний шанс. Ты ее выдернешь из болота и сам поднимешься. А так...

Не договорив, Галина Сергеевна включила чайник.

– ...Раз уж все равно приехал, давай хоть кофе выпьем!

– Выпьем, Галя, – согласился он и пересел к столу.

Словно ожидав момента, на тумбочке забулькал телефон.

Он был внутренним, городские номера университет оставил лишь в деканатах.

Панин потянулся, но замер, взглянул на лаборантку.

Понимающе кивнув, она ответила сама:

– Да, Константин Петрович! Да... Нет. Нет, нет... Хорошо, иду... Со списком. Да, уже иду.

– Шеф, – пояснила Галина Сергеевна, положив трубку. – Рвет и мечет. Велел прийти с адресным списком членов предметной комиссии. Будет вызванивать Горюхина и Юрьева, что-то делать с ними. Так что кофе тебе придется пить в одиночестве.

– Да нет, Галя, пожалуй, я отсюда тихо свалю, – отказался Панин. – Экзамена сегодня нет, на всем факультете, должно быть, только ты да я да Петрович, сейчас он того и гляди пошлет меня на поиски Шаляпина. Так что спасибо и пока, до следующего экзамена.

– Пока, Митя, – ответила лаборантка и неощутимо поцеловала его в губы. – Удачи с Теличкиной и береги себя.

Выйдя с кафедры, Панин поспешил к выходу.

Но тут же повернул обратно – чтобы не идти мимо кабинета заведующего, скользнул на черную лестницу.

По ней можно было спуститься до первого этажа, до Редакционно-издательского отдела, где Куценко видел типографскую гильотину.

Лестница встретила спокойной прохладой.

Ее не волновало, что на последней площадке Дмитрий Викентьевич вчера по нетрезвому делу пытался поцеловать Веру Сергеевну Воропай.

И, конечно, она уже не помнила, что многими годами раньше он трезвым целовал там Лиечку Лифшиц, еще не зная, что та станет Дроздовой.

2

День прошел незаметно.

Подкрепившись тремястами граммами аргентинских лангустинов, сваренных в соленой воде и сбрызнутых соком лимона, Панин сел у компьютера и стал ждать абитуриентку.

От заработков он никогда не отказывался – не отказался и сейчас, хотя репетиционная кампания на дневном отделении принесла около двух тысяч долларов необлагаемого дохода.

При Панинских запросах никакие деньги не бывали лишними, а подготовка девчонку для экзамена на заочном отделении не требовала усилий.

Звонок домофона раздался без двух минут пять.

– Вы точны, как королева, Анастасия Николаевна, – сказал он, открыв дверь.

Коровкина вошла в квартиру, тяжело дыша. По ее лицу катился пот.

– За вами что – черти гнались? – не удержался Панин, когда она опустилась на корточки рядом с пуфиком, чтобы расстегнуть босоножки.

– Не-а. Просто... – она взглянула снизу вверх, сдула упавшую прядь. – Просто у вас лифт не работает, пешком по лестнице бежала.

– Зачем бежали? Шли бы спокойно, пять минут туда – пять минут сюда роли не играют.

– Не, я так не могу. Это в деревне время считается плюс-минус два часа, а тут я хочу погородскому жить. Вы сказали «в пять», вот я к пяти и спешила.

– Ну-ну, – он улыбнулся. – Хвалю, конечно. Из вас толк выйдет, судя по всему.

– Дмитрий Викентич, – сказала она. – Можно, я воды хлебну?

– Можно, конечно. Какую вам принести? Минеральную или из кулера?

– Из-под крана. И не надо мне приносить, я не барыня, а где у вас посуда и все такое, уже знаю.

Коровкина бесшумно скользнула по коридору, Панин вернулся в гостиную, выключил компьютер и раскрыл один из приготовленных учебников.

– Ф-фуу, еще сильнее вспотела, – сообщила Настя, вернувшись из кухни. – Можно, на балкон выйду, постою чуток, а то у меня ручей течет между...

Она осеклась, взглянула невинно:

– В общем, надо просвежиться.

– На этом балконе вечером жарко, как в Египте, – ответил он. – Идите в...

Он тоже осекся, сказать «в спальню» показалось неприличными, и продолжил:

– ...В другую комнату. Там второй балкон, выходит на реку, свежий воздух и уже почти прохладно.

Проводя Настю до спальни, Панин остановился в дверях.

Она прошелестела на балкон, встала к нему спиной.

По движениям рук он понял, что девчонка расстегнула платье и теперь гонит воздух туда, где течет ручей.

Радикальность гостьи зашкаливала, еще через минуту она могла обнажиться до пояса, чтобы просвежиться по полной программе.

Подобные зрелища не входили в план, Панин удалился на кухню, заварил себе кофе.

Когда он вернулся в гостиную, Настя – остывшая, спокойная, застегнутая и даже причесанная – сидела на стуле, прилежно положив на стол тонкие руки.

– Ну все, Дмитрий Викентич, – она улыбнулась спокойно. – Теперь я готова.

– Прекрасно, – ответил Панин. – Начнем, гражданка Коровкина, ваш новый экскурс в старую математику. Насколько я понял по экзамену, вы...

– Дмитрий Викентич, – перебила девчонка. – Я об одной вещи хочу попросить.

– Еще попить? Сейчас принесу бутылку и стакан, чтобы не бегать взад-вперед каждую секунду.

– Не-а, не попить. Просто... Не называйте меня на «вы», пожалуйста. А то у нас в школе учитель называл на «ты», а «выкаты» начинал, когда сердился. А вы же на меня не сердитесь, правда?

– Пока не сержусь, – он сдержанно улыбнулся. – Уговорили. Буду называть вас на «ты»... Ну ладно, теперь поехали.

– Поехали, – подтвердила Настя и раскрыла свежую тетрадь.

– Начнем с самого начала. Вот этот пример решите, пожалуйста... Реши.

Взяв ручку, он написал:

$$1/2 + 1/3 =$$

– Дмитрий Викентич, вы чё?! – серые глаза взглянули возмущенно. – Мы же не в первом классе, я в универ готовлюсь, а вы мне дроби пишете. Это в уме решается.

– Вот и решай, – не вдаваясь в подробности сказал Панин и вышел на балкон.

С ученицей следовало сразу выяснить, что она знает, а чего не знает – точнее, знает ли хоть что-нибудь.

Он перегнулся через перила и посмотрел, как асфальтировщики в оранжевых робах пинают колесо кособокое заржавленного «пирожка», надеясь воем сигнализации вызвать хозяина, чтобы освободить дворовую парковку.

– ...Две пятых, я же говорила!

– Две пятых? – уточнил Панин, вернувшись к столу. – И как они у вас получились?

– Так, – уверенно ответила Настя. – Сверху один плюс один, снизу два плюс три.

– Неправильно. Дроби складываются по-другому.

– Как это «по-другому»? – возмутилась девчонка. – Нас в школе так учили.

Он ответил не сразу.

Как учат математику в деревенской школе, было известно всем.

Не имело смысла разбираться, какой бред нес будущим свинаркам и механизаторам их учитель – наверняка старый пропойца вроде Зотова.

Стоило просто заниматься своим делом.

– Не знаю, Настя, как учили у вас в школе, сейчас тебя учу я и слушай меня. И пытайся не просто заучивать, а соображать. Математика – это не какая-нибудь история, где надо тупо помнить даты. Тут можно почти ничего не помнить, а понимать правила и делать выводы.

Она молчала, глядела на него.

– Прежде всего – надо понять, почему так складывать дроби неправильно. Рассмотрим другой пример. Две половины составляют целое, верно?

– Как это, не въезжаю?

– Ну вот давай возьмем... – Панин на секунду задумался. – Кусок пластилина. Он целый, верно?

– Верно.

– Разрежем пополам, получатся две половинки. Тоже верно?

– Тоже верно.

– А если приложим обратно, получится опять целый кусок. Это верно?

– И это верно.

– А теперь проверь, получится ли обратно целое, если ты сложишь по-своему одну вторую и одну вторую.

– Блин, если сложить и сократить, снова одна вторая получается, а не единица! – почти сразу воскликнула Настя. – Значит, в самом деле так неправильно!

– Вот видишь, – он усмехнулся. – А ты мне не верила.

– Теперь верю.

– Это хорошо. Забудь все, чему учили в школе, и будем учить элементарную математику с нуля.

– Будем, – согласилась девчонка.

Полтора астрономических часа занятий показались Панину адом.

Анастасия Коровкина не знала абсолютно ничего. Учить ее приходилось каждой мелочи, тратить по десять минут там, где с минимально подготовленными школьниками хватало секунды.

Знав заранее о ее уровне, Панин ни за какие коврижки не согласился бы на репетиторство.

Досада усугублялась тем, что Настя оказалась умной и схватывала все на лету.

В иных обстоятельствах – при занятиях, проходивших три раза в неделю целый семестр – она могла бы наверстать курс школьной математики до твердой «четверки».

Но до начала экзаменов на заочном отделении оставалось слишком мало времени.

Честнее всего было после первого занятия отказаться от продолжения: сказать Коровкиной, что при входном уровне знаний физически невозможно подготовить ее на «тройку» даже для заочных менеджеров. Объяснить все как есть, посоветовать несколько хороших учебников, пару сайтов с бесплатными школьными темами и распрощаться до будущего года.

Но Настя так искренне радовалась, когда вдруг понимала какую-нибудь простенькую формулу, что он не мог взять и все обрубить.

Выход из ситуации имелся и был достаточно простым.

Когда Куценко за файл с тестами для экономистов объявил себя должником, Панин не принял слов всерьез, поскольку для него нынешняя кампания завершилась.

Но сейчас он решил, что следует обратиться к Шаляпину, чтобы тот организовал Коровкиной хорошую оценку на устной математике.

Точнее, заказать «пятерку», чтобы она имела задел по конкурсному баллу.

Бессмысленные занятия стоило прекратить после первого.

Однако в этом вопросе все было не так просто.

Сказав Галине Сергеевне, что девчонка ему нравится, Панин пунктирно обрисовал положение дел.

Рядом с Настей он ощущал какой-то странный, конструктивный покой.

Занятия следовало продолжать.

– Ну все, – сказал он, сверившись с часами, стоящими на столе. – На сегодня хватит, Настасья Николаевна.

– Спасибо, Дмитрий Викентич, я сегодня начала что-то понимать.

Достав из пакета деньги, девушка положила их на стол.

– Тебе спасибо, Настя, – ответил Панин, почему-то смутившись.

И, удивляясь себе, сказал:

– А кофе будем сегодня пить, или как?

Настя молча улыбнулась.

– Конфеты твои в холодильнике лежат, я забыл их съесть.

– Будем, Дмитрий Викентич, если вы не заняты, – ответила девушка. – Можно, я сама на стол соберу?

– Можно, если так уж хочешь, – он усмехнулся.

– Хочу, – просто сказала она.

– Прекрасно. Тогда пошли на кухню.

– Вы тут посидите пока, Дмитрий Викентич, я сама на стол накрою. Мне понравилось за вами ухаживать.

– Как хочешь, Настя, как хочешь, – ответил Панин. – Все для твоего удовольствия.
Спрятав купюры в ящик стола, он вышел на жаркий балкон.

Внизу две кошки – серая и черная – настороженно осматривали друг друга около двери мусоропроводного отсека.

– ...Дмитрий Викентич, – раздался за спиной голос. – Идемте, что ли? Я уже все накрыла.

– Идем, Настя, – сказал он. – Хозяйка в доме – это хозяйка в доме

Дальше все прошло в точности, как вчера.

Выпив чаю сама и два раза сделав ему кофе, девушка вымыла посуду, убрала остатки конфет и тихо уехала в общежитие до завтрашнего вечера.

3

На следующее занятие Настя явилась существенно раньше пяти часов.

Вид у нее был такой, словно она только что вышла из бани.

– Воды? – предложил Панин.

– Ага, было бы здорово, – согласилась девчонка.

– Посиди на диване, я тебе принесу.

– Да я сама схожу попить.

– Сиди-сиди, – повторил он. – Ты за мной уже вся изухаживалась, теперь моя очередь.

– Ну ладно, поухаживайте за мной, если хотите.

Настя прошла в гостиную.

Панин сходил на кухню, принес непечатую бутылку «Боржоми».

Девушка сидела на диване с предсмертным видом.

– Спасибочки, Дмитрий Викентич, – сказала она, выпив залпом два стакана. – Словно заново родилась, чесслово. Такой вкусной воды отродясь не пила.

– В следующий раз перед твоим приходом нахоложу комнату, а так тебя под кондиционером может прохватить.

– Сейчас еще чуток отсиджусь и буду в норме.

Сев в кресло, Панин посмотрел на Настю.

Казалось, она вот-вот растает.

– Слушай, на черта ты в такую жару носишь колготки? – не выдержал он. – Ты же не француженка и еще не менеджер пафосной фирмы со строгим дресс-кодом, можешь ходить с голыми ногами. И вообще, кто летом носит черные?

– Я привыкла, у нас все в деревне так ходят, – ответила Настя. – Так сексуальнее.

Последнее слово она произнесла без всякого намека.

– И, кстати, это не колготки, а чулки.

– Чулки?

Панин перепросил невольно.

– Ну да. В колготках летом жарко, в чулках самый раз. Ну и, сами понимаете, с чулками управляться легче.

– В каком смысле? – уточнил он, вспомнив, как увещевал Галину Сергеевну.

– В том самом, – ответила девчонка. – Как будто не понимаете.

Она посмотрела прямо, антрацитовые коленки невозмутимо сверкали.

Должно быть, Игорь Станиславович Горюхин был не так уж и не прав насчет нецеломудренности деревенской молодежи.

– ...Извините, разболталась. Вам лучше лишнего не знать, иначе вы меня выгоните.

– Разболтались мы с тобой, это точно, – подтвердил Панин. – Ты как, очухалась?

– Да вроде того.

– Тогда пошли заниматься.

– Пошлите, – согласилась девчонка и встала с дивана.

Глава четвертая

1

Лето выдалось жарким и сухим.

Почти каждый день вдоль края неба ходили облака, наливались предгрозовой темнотой, но – так ничего не решив – уходили за горизонт и посылали оттуда раскаты грома.

Не имев необходимости ехать в университет, Панин хорошо выспался, но встал в нехорошем настроении.

Недавний разговор с Галиной Сергеевной разбередил душу.

За докторскую он принялся давно – сразу после защиты кандидатской, находясь в состоянии научно-творческого подъема.

Именно тогда были написаны несколько первых глав.

Вероятно, Панин пролетел бы по инерции, перешел без остановки на иную высоту, но обстоятельства сложились неблагоприятно.

Точнее, благоприятно для человеческой жизни и убийственно для научной.

Как раз в тот период Панинские родители, давно жившие каждый своей жизнью, окончательно расстались и оставили его при собственной квартире.

Объективно условия ухудшились.

Вместо центра города, откуда до университета было полчаса хода неспешным шагом, он оказался в окраинном Сипайлове.

Микрорайон был жутким, здесь жили люди, которых в цивилизованных социумах именovali отбросами общества.

Сам Панин поселился на дальнем краю окраины: размен даже самой большой квартиры всегда происходил с ущербом.

Ему приходилось идти десять минут до ближайшей остановки автобуса, а потом больше часа ехать в зловонной тесноте.

Дом – панельная девятиэтажка, кое-как слепленная во времена строительной истерии начала девяностых – был ниже всякой критики. Последняя «хрущевка» в сравнении с ним казалась дворцом.

Зимой тут можно было умереть от холода, летом – от жары, батареи грели еле-еле, вода не хотела подниматься на девятый этаж.

Существование омрачалось непрерывной борьбой с председателем жилтоварищества – именуемого полуцензурным словом «кондоминиум» – прожженным жуликом, обирающим жильцов.

Сама квартира была ужаснее дома.

«Чистовая» отделка заключалась в цветастых обоях, наклеенных на потолок, окна сначала не открывались, потом не закрывались и из них дуло, на балконах осыпалась шпаклевка, а полы из каких-то сомнительных плит, грохотали, словно железнодорожный переезд.

Но неудобства были сущее ничто в сравнении с тем, что Панин оказался тут один – без знакомых, без обязательств, без контроля над собой.

И как всякий нормальный мужчина в расцвете лет, он пустился во все тяжкие.

Года два пролетели в угаре непрерывно сменяющихся женщин.

Своих кратковременных наложниц Панин находил чуть ли не на улице.

Сейчас казалось чудом, что все прошло без потерь, осложнивших жизнь до конца.

Та же Нина, разлучившая с женой доцента Шубникова, могла забеременеть, оставаясь девственницей, и обрушить на его голову лавину проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.